

ISSN 2949-1134

Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований

№ 4 (11)

Вологда 2023

Издается с июля 2021 года

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний»

Главный редактор:

Е. Л. Харьковский

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой
право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по шести научным специальностям: 5.3.5, 5.3.9, 5.7.1, 5.7.7, 5.8.1, 5.8.7.

Дата выхода в свет: 29.12.2023

Журнал представлен на сайте в свободном бесплатном доступе
в полнотекстовом формате

Адрес редакции: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2
Телефоны: (8172) 51-46-12, (8172) 51-01-73, (8172) 51-98-70
E-mail: sgjournal@vipe.fsin.gov.ru

Сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: sgjournal.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер Эл № ФС77-81296 от 09.06.2021

© ВИПЭ ФСИН России, 2023

ISSN 2949-1134

All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities

No. 4 (11)

Vologda 2023

Founded in July 2021

Issued four times a year

Founder:

Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education
“Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service”
(VILE of the FPS of Russia)

Editor-in-Chief:

Evgenii L. Kharkovsii

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher.

Manuscripts are reviewed and not returned to the authors. The editor reserves the right to abridge and edit the manuscripts submitted

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of PhD., for the degree of Dsc. should be published of the following scientific specialties: 5.3.5, 5.3.9, 5.7.1, 5.7.7, 5.8.1, 5.8.7.

Date of publication: December 29, 2023

The journal is available online and provides open and free-of-charge access to its content in full-text format

Address of the editorial office:

2, Shchetinin street, Vologda, 160002, Russian Federation

Phones : (8172) 51-46-12, (8172) 51-01-73, (8172) 51-98-70

E-mail : sgjournal@vipe.fsin.gov.ru

Website: sgjournal.ru

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Registration Number EL No. FS77-81296 of June 9, 2021

© VILE of the FPS of Russia, 2023

Редакционная коллегия

Харьковский Евгений Леонидович – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (главный редактор);

Зауторова Эльвира Викторовна – профессор кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и проработки ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор (заместитель главного редактора);

Ласточкин Александр Николаевич – старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент (ответственный секретарь);

Агафонова Ольга Васильевна – начальник кафедры философии и истории инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат философских наук, доцент;

Баламут Александр Николаевич – начальник центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Барышева Анна Викторовна – старший преподаватель кафедры общей и педагогической психологии факультета психологии и права ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук;

Белова Надежда Алексеевна – доцент кафедры философии и истории инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент;

Вахнина Виктория Владимировна – профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, доктор психологических наук, профессор;

Ганишина Ирина Сергеевна – начальник кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России, доктор психологических наук, доцент;

Голдин Владислав Иванович – профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор;

Горностаев Станислав Викторович – профессор кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России, доктор психологических наук, доцент;

Гущина Татьяна Николаевна – профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского, доктор педагогических наук, профессор;

Егоров Андрей Николаевич – заведующий кафедрой истории и философии Череповецкого государственного университета, доктор исторических наук, доцент;

Желтов Андрей Александрович – доцент кафедры философии и истории инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент;

Касаткина Светлана Сергеевна – профессор кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета, доктор философских наук, доцент;

Кириллова Татьяна Васильевна – главный научный сотрудник отдела психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы НИИ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор;

Клюева Надежда Владимировна – заведующий кафедрой консультационной психологии факультета психологии Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова, доктор психологических наук, профессор;

Кузьминых Александр Леонидович – профессор кафедры философии и истории инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Лобанова Елена Сергеевна – начальник кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и проработки ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент;

Макулин Артем Владимирович – директор Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, доктор философских наук, доцент;

Малышев Константин Борисович – профессор кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и пробации ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, доцент;

Масягин Владимир Павлович – доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор;

Оботурова Наталья Сергеевна – профессор кафедры философии и истории инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор философских наук, доцент;

Павлушков Александр Рудольфович – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент;

Панова Оксана Брониславовна – профессор кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и пробации ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Поздняков Вячеслав Михайлович – профессор кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Раитина Маргарита Юрьевна – профессор кафедры философии и социологии, ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра гуманитарного факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, доктор философских наук, доцент;

Ракитская Оксана Николаевна – доцент кафедры общей и педагогической психологии факультета психологии и пробации ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Саблин Василий Анатольевич – заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики Вологодского государственного университета, доктор исторических наук, доцент;

Севальников Андрей Юрьевич – главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук;

Соболев Николай Гургенович – старший научный сотрудник отдела разработки методологии социальной, психологической, воспитательной и педагогической работы с осужденными центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы НИИ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Соколова Татьяна Леонидовна – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин факультета психологии и права ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент;

Стуканов Виталий Григорьевич – заведующий лабораторией проблем воспитания личности Национального института образования Республики Беларусь, доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, профессор;

Токомбаева Айсулу Тарасовна – доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, кандидат психологических наук, доцент;

Тяпин Игорь Никифорович – профессор кафедры философии Вологодского государственного университета, доктор философских наук, доцент;

Шевченко Олег Константинович – доцент кафедры истории и философии Института педагогики, психологии и инклюзивного образования Гуманитарно-педагогической академии (филиала) Крымского федерального университета имени В.Г. Вернадского в г. Ялта, доктор философских наук, доцент;

Ястреб Наталья Андреевна – директор Института социальных и гуманитарных наук Вологодского государственного университета, доктор философских наук, доцент;

Яценко Елена Федоровна – заведующий кафедрой прикладной психологии Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I, доктор психологических наук, профессор.

The Editorial Board

Evgenii L. Kharkovsii – Head of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor (Editor-in-Chief);

Elvira V. Zautorova – professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology and Probation of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Deputy Editor-in-Chief);

Aleksandr N. Lastochkin – Senior Researcher at the Research Laboratory of the Organizational and Research Department of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor (Executive Secretary);

Ol'ga V. Agafonova – Head of the Department of Philosophy and History of the Faculty of Engineering and Economics of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Aleksandr N. Balamut – Head of the Center for Research of Problems of Execution of Criminal Penalties and Psychological Support of Professional Activity of Employees of the Penal System of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Anna V. Barysheva – Senior Lecturer at the Department of General and Pedagogical Psychology of the Faculty of Psychology and Probation of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Pedagogy);

Nadezhda A. Belova – associate professor of the Department of Philosophy and History of the Faculty of Engineering and Economics of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (History), Associate Professor;

Viktoriya V. Vakhnina – professor at the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Sciences (Psychology), Professor;

Irina S. Ganishina – Head of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Academy of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Vladislav I. Goldin – professor at the Department of Regional Studies, International Relations and Political Science of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Doctor of Sciences (History), Professor;

Stanislav V. Gornostaev – professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Academy of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Tat'yana N. Gushchina – professor at the Department of Social Pedagogy and Organization of Work with Youth of the Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor;

Andrei N. Egorov – Head of the Department of History and Philosophy of the Cherepovets State University, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Andrei A. Zheltov – associate professor at the Department of Philosophy and History of the Faculty of Engineering and Economics of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (History), Associate Professor;

Svetlana S. Kasatkina – professor at the Department of History and Philosophy of the Cherepovets State University, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Tat'yana V. Kirillova – Chief Researcher at the Department of Psychological Support of Professional Activity of Employees of the Penal System of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor;

Nadezhda V. Klyueva – Head of the Department of Consultation Psychology of the Psychology Faculty of P.G. Demidov Yaroslavl State University, Doctor of Sciences (Psychology), Professor;

Aleksandr L. Kuzminykh – professor at the Department of Philosophy and History of the Faculty of Engineering and Economics of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Elena S. Lobanova – Head of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology and Probation of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor;

Artem V. Makulin – Director of the Higher School of Social Sciences and Humanities and International Communication of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Konstantin B. Malyshev – professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology and Probation of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Vladimir P. Masyagin – associate professor at the Department of Military-Political Work in the Military (Forces) of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor;

Natal'ya S. Oboturova – professor at the Department of Philosophy and History of the Faculty of Psychology and Probation of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Aleksandr R. Pavlushkov – associate professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (History), Associate Professor;

Oksana B. Panova – professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology and Probation of the VILE of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor;

Vyacheslav M. Pozdnyakov – professor at the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology of the Moscow State University of Psychology and Education, Doctor of Sciences (Psychology), Professor;

Margarita Yu. Raitina – professor at the Department of Philosophy and Sociology, Leading Researcher at the Research and Educational Center of the Faculty of Humanities of the Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Oksana N. Rakitskaya – associate professor at the Department of General and Pedagogical Psychology of the Faculty of Psychology and Probation of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Vasilii A. Sablin – Head of the Department of General History and World Politics of the Vologda State University, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Andrei Yu. Seval'nikov – Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philosophy);

Nikolai G. Sobolev – Senior Researcher at the Department of Development of Methodology of Social, Psychological, Educational and Pedagogical Work with Convicts of the Center for Research of Problems of Execution of Criminal Penalties and Psychological Support of Professional Activity of Employees of the Federal State Institution Penal System of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Tat'yana L. Sokolova – associate professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Faculty of Psychology and Law of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor;

Vitalii G. Stukanov – Head of the Laboratory for Personality Education of the National Institute of Education of the Republic of Belarus, Doctor of Sciences (Pedagogy), Candidate of Sciences (Psychology), Professor;

Aisulu T. Tokombaeva – associate professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Kyrgyz-Russian Slavic University named after the First President of the Russian Federation B.N. Yeltsin, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Igor N. Tyapin – professor at the Department of Philosophy of the Vologda State University, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Oleg K. Shevchenko – associate professor at the Department of History and Philosophy of the Institute of Pedagogy, Psychology and Inclusive Education of the Humanities and Education Science Academy (branch) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Natalia A. Yastreb – Director of the Institute of Social Sciences and Humanities of the Vologda State University, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Elena F. Yaschenko – Head of the Department of Applied Psychology of Emperor Alexander I Saint Petersburg State Transport University, Doctor of Sciences (Psychology), Professor.

СОДЕРЖАНИЕ

ВИКТОРОВА Т. В., ЗАУТОРОВА Э. В. Роль компетентного подхода в формировании морально-волевых качеств у сотрудников уголовно-исполнительной системы на занятиях по профессиональной подготовке	9
НИКИФОРОВА О. А. Психолого-педагогическое и здоровьесберегающее сопровождение профессионального самоопределения учащихся	16
ОРЛОВ В. В., ОРЛОВА Л. В. Формы скрытой пропаганды раннего добровольного ухода из жизни в сети Интернет	21
СОБОЛЕВ Н. Г. Особенности терминальных ценностей сотрудников исправительных учреждений, зачисленных в резерв кадров на выдвижение	29
ВАВУЛИНСКАЯ Л. И. Как власть боролась с тунеядцами в 1950–1960-х гг. (на материалах Карелии)	35
ВОЛКОВ Д. Ю., ПАНОВ А. О. Влияние видеоигр на формирование исторической памяти о Великой Отечественной войне (на примере обучающихся Вологодского института права и экономики ФСИН России)	45
ПАНИЩЕВ А. Л. Реформы Александра II и их влияние на моральный облик общества	52
АВДЮНИН В. А. Обращение к архитектуре как способ аргументации в работах античных философов	62
РАИТИНА М. Ю., ГОРСКИХ О. В., ПОКРОВСКАЯ Е. М. Профессионально-проектная подготовка выпускника технического вуза	67
ШЕВЧЕНКО О. К. История и биополитика ужаса (рецензия на учебно-методическое пособие Маленко С. А., Некита А. Г. «От «Великого» к «Онемевшему»: визуализация идеологии страха в американском кинематографе»)	73

CONTENT

VIKTOROVA T.V., ZAUTOROVA E.V. Role of the Competence Approach in the Formation of Moral and Volitional Qualities among Employees of the Penal System in Vocational Training Classes	9
NIKIFOROVA O.A. Psychological, Pedagogical and Health-Saving Support of Students' Professional Self-Determination	16
ORLOV V.V., ORLOVA L.V. Forms of Covert Assisted Suicide Propaganda on the Internet	21
SOBOLEV N.G. Features of Terminal Values of Pool Employees of Correctional Institutions	29
VAVULINSKAYA L.I. How the Government Fought against Parasites in the 1950–1960s (Case Study of Karelia).	35
VOLKOV D.Yu., PANOV A.O. Impact of Video Games on the Formation of Historical Memory of the Great Patriotic War (Case Study of Students of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service)	45
PANISHCHEV A.L. Reforms of Aleksandr II and Their Impact on the Moral Image of Society	52
AVDYUNIN V.A. Ancient Philosophers' Appeal to Architecture as a Way of Argumentation	62
RAITINA M.Yu., GORSKIKH O.V., POKROVSKAYA E.M. Professional and Project Training of a Technical University Graduate	67
SHEVCHENKO O.K. History and Biopolitics of Horror (Review of the Study Guide of Malenko S.A., Nekita A.G. "From the "Great" to the "Numb": Visualization of the Ideology of Fear in American Cinema")	73

Научная статья

УДК 377

doi 10.46741/sgjournal.2023.11.4.001

Роль компетентностного подхода в формировании морально-волевых качеств у сотрудников уголовно-исполнительной системы на занятиях по профессиональной подготовке

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ВИКТОРОВА

МОУ СОШ № 16 г. Ухты, Ухта, Россия, viktorija_psi@mail.ru

ЭЛЬВИРА ВИКТОРОВНА ЗАУТРОВА

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда,
Россия

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия,
elvira-song@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается значимость компетентностного подхода в профессиональной подготовке сотрудников уголовно-исполнительной системы, рассматриваются некоторые проблемы организации их профессиональной подготовки в исправительных учреждениях, определены причины некачественной профессиональной подготовки и некоторые способы усовершенствования этого процесса.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; сотрудники; морально-волевые качества; компетенции; компетентностный подход; профессиональная подготовка.

5.8.7. Технология и методология профессионального образования.

Для цитирования: Викторова Т. В., Зауторова Э. В. Роль компетентностного подхода в формировании морально-волевых качеств у сотрудников уголовно-исполнительной системы на занятиях по профессиональной подготовке // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2023. № 4 (11). С. 9–15. doi 10.46741/sgjournal.2023.11.4.001.

Original article

Role of the Competence Approach in the Formation of Moral and Volitional Qualities among Employees of the Penal System in Vocational Training Classes

TAT'YANA V. VIKTOROVA

Secondary School No. 16 of the city of Ukhta, Ukhta, Russia, viktorija_psi@mail.ru

---

© Викторова Т. В., Зауторова Э. В., 2023

EL'VIRA V. ZAUTOROVA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary
Service, Vologda, Russia

Federal State Institution of the Research Institute of the Federal Penitentiary
Service of Russia, Moscow, Russia

elvira-song@mail.ru

Abstract. The article reveals the importance of the competence-based approach in the professional training of employees of the penitentiary system, examines some problems of organizing their professional training in correctional institutions, identifies causes of poor-quality professional training and some ways to improve this process.

Keywords: penal system; employees; moral and volitional qualities; competencies; competence-based approach; professional training.

5.8.7. Technology and methodology of vocational education.

For citation: Viktorova T.V., Zautorova E.V. Role of the competence approach in the formation of moral and volitional qualities among employees of the penal system in vocational training classes. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2023, no. 4 (11), pp. 9–15. doi 10.46741/sjournal.2023.11.4.001.

Должная профессиональная подготовка остается одним из важнейших показателей качества службы сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС). Нормативным основанием, определяющим требования к проведению занятий по профессиональной подготовке в учреждениях и органах УИС, является приказ Минюста России от 27.08.2012 № 169 «Об утверждении Наставления по организации профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы». Приказ Минюста России от 12.09.2019 № 202 «Об утверждении дисциплинарного устава уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» обязывает сотрудника поддерживать уровень квалификации, необходимый для выполнения служебных обязанностей.

Согласно Федеральному закону от 19.07.2018 № 197–ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в закон РФ “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”» сотрудником ФСИН России может стать гражданин Российской Федерации, достигший возраста 18 лет, несудимый. Акцент делается на том, что сотрудник из категории младшего начальствующего состава должен иметь среднее общее образование, не менее чем среднее профессиональное образование требуется для лиц среднего и старшего начсостава.

При этом отмечаются необходимые профессионально важные качества, которыми должен обладать сотрудник. Основными морально-волевыми качествами личности являются добросовестность и ответственность, честность и коллективизм, самообладание и умение самостоятельно принимать решения, тактичность, выдержка, наличие социального интеллекта и др. [1–3].

Первой профессиональной подготовкой, которую должен пройти сотрудник, поступивший на службу в УИС, является первоначальная подготовка, которая предусматривает овладение необходимыми компетенциями для успешности выполнения служебных обязанностей. Начальная (базовая) профессиональная подготовка имеет обязательный характер и осуществляется не позднее одного года со дня приема на службу для всех лиц, независимо от имеющегося образования. Такая подготовка осуществляется в учебных центрах Федеральной системы исполнения наказаний Российской Федерации (далее – ФСИН России), где сотрудники получают необходимые профессиональные знания и овладевают компетенциями.

В период обучения необходимо соблюдать определенный распорядок дня, специальную форму одежды, проживать в общежитии-казарме и др. Сотрудники должны добросовестно относиться к обучению, посещать все занятия, обозначенные в расписании, стараться развивать общие и специальные компетенции.

Не углубляясь в описание других видов профессиональной подготовки, имеющих, несомненно, важное значение (повышение квалификации, переподготовка), отметим, что профессиональная подготовка по месту службы проходит в течение всего периода службы на постоянной основе и имеет обязательный характер для всех сотрудников.

Одним из показателей профессиональной подготовленности сотрудников ФСИН России к качественному выполнению служебных обязанностей выступает сформированность необходимых для службы компетенций. Именно положения компетентностного подхода акцентируют внимание на овладении такими формами поведения и индивидуальными характеристиками личности, которые будут способствовать успешной и эффективной деятельности человека в любой выбранной сфере. По мнению И. А. Алехина и А. Г. Караяни, «формирование компетенций должно выступать важным персональным ресурсом, обеспечивающим профессиональную субъектность, развитие общекультурных, познавательных и других способностей, а также основанную на чувстве долга профессиональную принадлежность» [4].

Компетентностный подход в русле реформирования УИС [5] имеет особое значение, так как применение компетенций в первую очередь востребовано в деятельности сотрудника, которая насыщена ситуациями экстремального, непредсказуемого и стрессогенного характера и сопряжена с сложной профессиональной обстановкой. Владеть компетенцией – значит уметь рефлексировать, проявлять самоорганизационную диспозицию и др.

Освоенные сотрудниками компетенции можно рассматривать как «способность к деятельности и ее актуальному выполнению». Это важно особенно в опасных или неопределенных как для жизни, так и для здоровья ситуациях деятельности. В условиях неопределенности, недостатка информации и дефицита времени на ее обдумывание именно освоенные компетенции позволяют сотруднику достигать нужных результатов [6].

Ученые выделяют различные критерии для оценки профессиональной компетентности сотрудников УИС (Н. В. Копылова, Ю. А. Копылова). Так, профессионально-интеллектуальный критерий представляет собой самостоятельное принятие решений и их воплощение в практическую деятельность. Данный критерий включает в себя процесс самостоятельного усвоения новых знаний, умений и навыков, рефлексию качества собственной деятельности в сравнении со своими прошлыми результатами или результатами коллегами. Нравственный критерий содержит знания общечеловеческой и социокультурной этики, при этом важны оценка в области принятия решений, положительная мотивация и моральное поведение. Проявляется это в морально-волевых качествах персонала (доброжелательность, честность, порядочность, приверженность коллективу, профессионализм и т. п.).

Следующий критерий тесно связан с успехом в практической деятельности сотрудника. Это критерий профессиональной подготовленности. Для повышения уровня профессионализма необходимы мотивация и желание сотрудника, его готовность совершенствовать уровень мастерства на постоянной основе. За общую успешность деятельности и устойчивость психической регуляции отвечает эмоционально-волевой критерий. Он влияет на уровень самоконтроля эмоционального состояния, способность вести себя должным образом в определенных условиях, быть ответственным за принятие правильных решений, а затем и их реализацию [7].

Также необходимо рассмотреть проблемы и перспективы организации профессиональной подготовки сотрудников непосредственно в исправительных учреждениях. Ключевыми компетентностями, которые должны быть сформированы у сотрудников исправительных учреждений, являются специальные профессиональные компетенции, не-

обходимые для уверенного выполнения профессиональных обязанностей, представленные совокупностью общих и специфических знаний, умений и навыков, а также развитые нравственные и волевые качества, способность подвергать анализу свои эмоции, усилием воли выстраивать и регулировать их, адекватная самооценка, психологическая устойчивость к отрицательному влиянию со стороны осужденных, которое может способствовать совершению должностных преступлений.

Вопросы качественной профессиональной подготовки сотрудников УИС рассмотрены в трудах И. И. Купцова [8], Е. В. Макарова [9], А. М. Молоковой [10], А. Д. Пашуковой [11] и др. Именно качественная профессиональная подготовка в рамках служебной подготовки сотрудников, организованной в исправительных учреждениях, сформирует у сотрудников совокупность необходимых компетенций и будет способствовать качественному выполнению обязанностей [8].

Современная модернизация УИС, направленная на обеспечение соответствия Международным стандартам в сфере обращения с осужденными, актуализирует вопросы подготовки высококвалифицированных специалистов [3; 12]. С. Н. Емельянов верно отмечал, что результатом и показателем высокого уровня профессиональной подготовленности должностного лица, исполняющего наказание посредством профессиональной служебной деятельности, является высокая общая и специальная теоретическая подготовка (образование), профессиональное мастерство и опыт работы в учреждениях УИС, способность его к саморазвитию и самосовершенствованию на базе высокой общей культуры личности, а также умения оптимально и эффективно применять имеющийся арсенал профессиональных качеств в процессе повседневной служебной деятельности [13].

В связи с этим считаем своевременным рассмотреть принципы профессиональной подготовки, проблемы организации профессионального обучения сотрудников в исправительных учреждениях.

Прежде всего, организация и проведение профессиональной подготовки должны быть ориентированы на следующие принципы компетентностного подхода:

- а) содержание образовательных программ подразумевает освоение ключевых, базовых, специальных компетенций;
- б) непрерывность профессионального образования в течение всего периода службы сотрудника.

Решение проблемы совершенствования организации и проведения профессиональной подготовки видится в ее основополагающих критериях:

- в качестве лектора необходимо назначать сотрудника из старшего начсостава со стажем службы десять лет и более, являющегося наставником в учреждении, имеющего достижения по службе и авторитет среди сотрудников;
- ориентированность процесса профессиональной подготовки на специфический объект деятельности (осужденных);
- обозначение не только целей, но и задач, которые должны быть достигнуты посредством проведения лекционного, практического семинарского и других видов занятий;
- разнообразие средств, форм и методов (активные и интерактивные) проведения занятий;
- систематический контроль за посещением и уровнем усвоения знаний [14; 15].

Недостаточная подготовка сотрудников УИС к профессиональной деятельности является основным препятствием на пути повышения уровня их профессиональной компетентности, эффективности в службе, становления и развития мастерства и профессионализма. Поэтому велико значение обучения в профессиональной подготовке сотрудников всех служб УИС с ориентацией на идеи компетентностного подхода – это будет способствовать освоению особо значимых компетенций и развитию морально-волевых качеств сотрудников.

Таким образом, в ходе профессиональной подготовки, представляющей собой организованный и целенаправленный процесс, четко регламентируемый ведомственными нормативными актами, сотрудники УИС овладевают специальными знаниями, умениями и навыками (компетенциями), которые им необходимы для эффективного прохождения службы, выполнения служебных обязанностей по занимаемой должности, а также для повышения уровня развития морально-волевых качеств. Для качественного обучения сотрудников УИС России в системе служебной подготовки необходимы четкое планирование осуществления профессиональной подготовки, квалифицированные руководители обучения, методически грамотное проведение занятий и систематический контроль.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Барановский В. И., Демин В. М. Квалификационные требования к сотрудникам основных служб уголовно-исполнительной системы : метод. рекомендации. М., 2006. 52 с.
2. Зауторова Э. В., Викторова Т. В. К вопросу о формировании морально-психологической устойчивости сотрудников отдела охраны исправительного учреждения к несению службы с огнестрельным оружием // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 34. С. 77–82.
3. Литвишков В. М. Духовно-нравственные требования, предъявляемые к сотрудникам учреждений, исполняющих наказания, и роль профессиональной этики // Образование и наука в России и за рубежом. 2018. № 8 (43). С. 46–53.
4. Алехин И. А., Караяни А. Г., Гожиков В. Я. Инновационные ресурсы формирования компетенций курсантов военных вузов: психолого-дидактический контекст // Мир образования – образование в мире. 2015. № 3 (59). С. 179–187.
5. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 20. Ст. 3397.
6. Игошин В. Г. Совершенствование профессиональной компетентности инспекторов отделов охраны УИС ФСИН России : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2005. 18 с.
7. Копылова Н. В., Копылова Ю. А. Критерии профессиональной компетентности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Педагогика и психология». 2022. № 3 (60). С. 14–21.
8. Купцов И. И., Карпова Г. С. Модель профессиональной компетентности сотрудников ФСИН России // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 20–30.
9. Макаров Е. В. Социально-профессиональная подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы : дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2018. 204 с.
10. Молокова Т. М. Проблемы организации и совершенствования профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы // Вестник Кузбасского института. 2011. № 1. С. 103–107.
11. Пашукова А. Д. Формирование профессиональной компетентности сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний в системе служебной подготовки : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Рязань, 2022. 26 с.
12. Psychosocial work environment, interpersonal violence at work and mental health among correctional officers / R. Bourbonnais, N. Jauvin, J. Dussault, M. V zina // International Journal of Law and Psychiatry. 2007. Vol. 30, no. 4–5. Pp. 355–368.
13. Емельянов С. Н. Профессиональная культура сотрудника уголовно-исполнительной системы : лекция. М., 1999. 15 с.
14. Зауторова Э. В., Викторова Т. В. Основные принципы, регулирующие деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы // Актуальные психолого-педагогические проблемы в деятельности уголовно-исполнительной системы : сб. науч. ст. / под общ. ред. Н. Г. Соболева. Вологда, 2020. С. 9–14.
15. Яковлева С. Л. К вопросу о нравственных и волевых качествах сотрудников уголовно-исполнительной системы // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2016. № 4. С. 19–23.

REFERENCES

1. Baranovskii V.I., Demin V.M. *Kvalifikatsionnye trebovaniya k sotrudnikam osnovnykh sluzhb ugovovno-ispolnitel'noi sistemy: metod. rekomendatsii* [Qualification requirements for employees of the main services of the penal system: methodological recommendations]. Moscow, 2006. 52 p.
2. Zautorova E.V., Viktorova T.V. On the formation of the moral and psychological resistance of personnel of security department in the correctional institution to service in arms. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2016, no. 34, pp. 77–82. (In Russ.).
3. Litvishkov V.M. Spiritual and moral requirements for employees of institutions that perform punishment and the role of professional ethics. *Obrazovanie i nauka v Rossii i za rubezhom = Education and Science in Russia and Abroad*, 2018, no. 8 (43), pp. 46–53. (In Russ.).
4. Alekhin I.A., Karayani A.G., Gozhikov V.Ya. Cadets' competence formation innovative resources: psychological and didactic context. *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire = World of Education – Education in the World*, 2015, no. 3 (59), pp. 179–187. (In Russ.).
5. On approval of the Concept for the Development of the Penal System of the Russian Federation for the Period up to 2030: Decree of the Government of the Russian Federation No. 1138-r of April 29, 2021. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2021. No. 20. Art. 3,397. (In Russ.).
6. Igoshin V.G. *Sovershenstvovanie professional'noi kompetentnosti inspektorov otdelov okhrany UIS FSIN Rossii: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Improving professional competence of inspectors of the security departments of the Federal Penitentiary Service of Russia: Candidate of Sciences (Pedagogy) abstract]. Samara, 2005. 18 p.
7. Kopylova N.V., Kopylova Yu.A. Criteria of professional competence of employees of criminally-executive system. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Pedagogika i psikhologiya" = Bulletin of the Tver State University. Series "Pedagogy and psychology"*, 2022, no. 3 (60), pp. 14–21. (In Russ.).
8. Kuptsov I.I., Karpova G.S. The model of professional competence of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2013, no. 4, pp. 20–30. (In Russ.).
9. Makarov E.V. *Sotsial'no-professional'naya podgotovka sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noi sistemy: dis. ... kand. ped. nauk* [Socio-professional training of employees of the penal system: Candidate of Sciences (Pedagogy)]. Orenburg, 2018. 204 p.
10. Molokova T.M. Problems of the organization and improve the training of prison personnel. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2011, no. 1, pp. 103–107. (In Russ.).
11. Pashukova A.D. *Formirovanie professional'noi kompetentno-sti sotrudnikov Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii v sisteme sluzhebnoi podgotovki: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Formation of professional competence of employees of the Federal Penitentiary Service in the system of service training: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Ryazan, 2022. 26 p.
12. Bourbonnais R., Jauvin N., Dussault J., Vézina M. Psychosocial work environment, interpersonal violence at work and mental health among correctional officers. *International Journal of Law and Psychiatry*, 2007, vol. 30, no. 4–5, pp. 355–368.
13. Emel'yanov S.N. *Professional'naya kul'tura sotrudnika ugovovno-ispolnitel'noi sistemy: lektsiya* [Professional culture of an employee of the administrative and executive system: lecture]. Moscow, 1999. 15 p.
14. Zautorova E.V., Viktorova T.V. Basic principles governing activities of employees of the penal system. In: Sobolev N.G. *Aktual'nye psikhologo-pedagogicheskie problemy v deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy: sb. nauch. st.* [Topical psychological and pedagogical problems in the activities of the penal system: collection of scientific articles] Vologda, 2020. Pp. 9–14.
15. Yakovleva S.L. On the question of moral and volitional qualities of employees of the penitentiary system. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya = Psychology and Pedagogy: Methodology and Problems of Practical Application*, 2016, no. 4, pp. 19–23. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ВИКТОРОВА – педагог-психолог МОУ СОШ № 16 г. Ухты, Ухта, Россия, viktorija_psi@mail.ru

ЭЛЬВИРА ВИКТОРОВНА ЗАУТРОВА – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и probationии Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, elvira-song@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

TAT'YANA V. VIKTOROVA – Educational Psychologist at the Secondary School No. 16 of the city of Ukhta, Ukhta, Russia, viktorija_psi@mail.ru

EL'VIRA V. ZAUTOVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Faculty of Psychology and Probation of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, Leading Researcher at the Federal State Institution of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, elvira-song@mail.ru

Статья поступила 16.11.2023

Научная статья

УДК 377.031

doi 10.46741/sgjournal.2023.11.4.002

Психолого-педагогическое и здоровьесберегающее сопровождение профессионального самоопределения учащихся

ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА НИКИФОРОВА

Кузбасский государственный технический университет имени
Т. Ф. Горбачева, Кемерово, Россия, nikiforova_ol@mail.ru

Аннотация. Профессиональное самоопределение учащихся предполагает реализацию принципов прогрессивной динамичности и комплексности психолого-педагогического и здоровьесберегающего сопровождения. На различных этапах обучения данное сопровождение имеет свою специфику, обусловленную возрастной периодизацией и уровнем компетентности педагогического состава.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение; психолого-педагогическое и здоровьесберегающее сопровождение; профильная пригодность.

5.8.7. Методология и технология профессионального образования.

Для цитирования: Никифорова О. А. Психолого-педагогическое и здоровьесберегающее сопровождение профессионального самоопределения учащихся // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2023. № 4 (11). С. 16–20. doi 10.46741/sgjournal.2023.11.4.002.

Original article

Psychological, Pedagogical and Health-Saving Support of Students' Professional Self-Determination

OL'GA A. NIKIFOROVA

T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia,
nikiforova_ol@mail.ru

Abstract. Professional self-determination of students presupposes the implementation of principles of progressive dynamism and the complexity of psychological, pedagogical and health-saving accompaniment. At various stages of training, this support has its own specifics, due to age periodization and the level of competence of the teaching staff.

Keywords: professional self-determination; psychological, pedagogical and health-saving support; profile suitability.

5.8.7. Methodology and technology of vocational education.

For citation: Nikiforova O.A. Psychological, pedagogical and health-saving support of students' professional self-determination. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2023, no. 4 (11), pp. 16–20. doi 10.46741/sgjournal.2023.11.4.002.

Выбор профессионального пути – сложный процесс поиска и восприятия информации, анализа, переживания, сравнения. Это задача, основанная не только на потребностях, но и на познании, учете индивидуальных личностных и психолого-физиологических особенностей, а также социально-экономических условий.

Систематическое реформирование образования актуализирует проблему профессионального самоопределения современного учащегося. Комплексный подход к данному вопросу определяет профессиональное самоопределение как личностную деятельность, направленную на самостоятельный осмысленный выбор сферы образования и формирование профессиональной траектории с учетом личностных, психолого-физиологических особенностей и потребностей рынка труда.

Кадровый потенциал государства в значительной степени определяется состоянием здоровья подрастающего поколения. Однако мониторинг здоровья учащихся, результаты которого представлены во многих научных исследованиях, свидетельствует о неблагоприятной ситуации с состоянием здоровья детей и подростков [1–3]. Индивидуальный риск ухудшения здоровья подростков и молодежи повышается из-за того, что при получении профильного и профессионального образования, выборе профессии и специальности не учитываются имеющиеся у человека заболевания. Выявлено, что большинство подростков имеют несколько хронических заболеваний и функциональных расстройств, что снижает возможности профильного и/или профессионального отбора [1; 2].

Нездоровье обучающихся формируется под воздействием множества факторов, среди которых кроме отягощенной наследственности можно указать неблагоприятную экологическую обстановку, высокий объем образовательных нагрузок, нарушение режима дня, низкую двигательную активность, нерациональное и несбалансированное питание, абитические привычки и др. Наблюдаемая интенсификация образовательной деятельности может сопровождаться повышением результативности обучения, но часто это происходит за счет увеличения психолого-эмоциональных затрат, истощения резервных возможностей организма [1; 4].

Результаты исследования [5; 6] свидетельствуют, что 40–80 % девятиклассников испытывают выраженные трудности профессионального самоопределения и потому нуждаются в профориентационной и здоровьесберегающей помощи, психологической поддержке.

Эффективность любой деятельности определяется не только порученным результатом, но и затратными показателями [7]. Если успешность обучения учащихся сопровождается высокими затратами организма, то о высокой эффективности учебной деятельности говорить не приходится.

Результаты анализа теоретических положений и существующей практики реализации профессионального самоопределения обучающихся позволили выявить противоречие между актуальностью кадрового и интеллектуального потенциала страны, здоровья подрастающего поколения и недостаточным вниманием к практической реализации мероприятий по комплексному сопровождению профессионального самоопределения учащихся [8, с. 5]. Преодоление данного противоречия возможно через развитие практики целевого сопровождения в образовательных организациях.

Сфера ответственности данной комплексной системы должна включать в себя задачи обеспечения успешной школьной адаптации, социализации, сохранения и укрепления здоровья и развития личности обучающихся.

Решение данных задач требует внедрения комплексной целевой программы сопровождения, объединяющей диагностику, коучинги, консультации, тренинги и т. п. на базе всех субъектов образовательного процесса.

Психолого-педагогическое и здоровьесберегающее сопровождение профессионального самоопределения направлено на формирование способности к сознательному профильному выбору, проектированию собственного профессионального пути.

Однако стоит помнить, что проектирование профессиональной карьеры – процесс постоянный и требующий от человека умения делать выбор, принимать ответственные решения, анализировать свои психолого-физиологические, личностные и профессиональные достоинства и недостатки, адаптироваться в сложных жизненных ситуациях. Задача образовательных организаций – воспитание человека, умеющего ставить перед собой реальные цели и выбирать оптимальный путь их достижения, анализируя результаты деятельности, осознавая свои потенциальные возможности и развивая их.

Известно, что необходимыми условиями эффективного профессионального самоопределения являются профильно-ориентированное, психолого-физиологическое и личностное развитие обучающегося, сформированность его мотивационной, волевой и познавательной сфер. Поэтому работа образовательных организаций и социального окружения по подготовке обучающихся к выбору профессионального пути должна являться неотъемлемой частью образовательного процесса и начинаться с начального уровня обучения.

Задачи и средства сопровождения профессионального самоопределения на различных ступенях образования имеют свои особенности.

Так, Е. А. Климов [9], представляя периодизацию формирования человека как субъекта труда, описывает ряд начальных стадий:

– дошкольный период определяется как стадия предыгры и игры, характеризующаяся овладением «основными смыслами» общечеловеческой деятельности, а также поверхностным знакомством с базовыми профессиями. Д. Б. Эльконин отмечал, что «игра – это дитя труда» и возникновение детской сюжетно-ролевой игры подготавливает детей к освоению труда взрослых [10];

– стадия овладения образовательной деятельностью (от 6–8 до 11–12 лет) сопровождается активным развитием самопланирования, самоанализа, самоконтроля, у учащегося формируются культурно-нравственные основы, умение учиться и т. п. В начальной школе складываются представления о мире профессий, приходит понимание роли труда в жизни человека, позже приобретаются знания о различных аспектах трудовой деятельности, начальные трудовые умения и навыки;

– стадия оптации (от 11–12 до 14–18 лет) готовит к взрослой жизни, труду, способствует сознательному и ответственному планированию и выбору профессиональной карьеры. В этот период решаются задачи личностного и ценностно-смыслового самоопределения и саморазвития, развиваются компетентности в психосоциальной и здоровьесберегающей сферах. В 5–9 классах содержание профориентационной работы должно способствовать развитию знаний о склонностях, способностях, профессионально важных качествах, формированию умения адекватно оценивать свои возможности и их соответствие конкретной профессии. Старшеклассники должны владеть сведениями о современном производстве, уметь адекватно оценивать собственные профессионально важные качества, состояние здоровья, составлять программу самоподготовки (интеллектуальной, личностной и функциональной) к избираемой профессии.

Важно оценить и возможность будущего трудоустройства, динамику рынка труда. Комплексное сопровождение профилирования обучения в старших классах можно рассматривать как создание возможностей для получения психолого-педагогической и здоровьесберегающей помощи на этапах подготовки к выбору профиля обучения. Должна предусматриваться и возможность изменения профиля в результате выявления новых психолого-педагогических и/или здоровьесберегающих фактов или смены условий, например, на рынке труда [4].

Задачи здоровьесберегающего и психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения, решаемые на различных этапах обучения, должны иметь развивающую целевую тенденцию [1]. Сами эти задачи и средства их решения на

этапах предпрофильной подготовки и профильного обучения подробно изложены в работе О. А. Никифоровой и др. [11].

Учеными установлено, что профессиональное самоопределение эффективно только при учете индивидуальных способностей, интересов и специфических личностных качеств, соответствующих выбранному профилю и профессии [1; 9; 11].

Если выбранный профиль обучения соответствует профильно значимым характеристикам обучающегося, то выполнение данной профильной деятельности сопровождается эффективным обучением и не наблюдается выраженного психолого-физиологического напряжения и дезадаптации [11].

Исследователи приводят данные, свидетельствующие о том, что люди, исходно менее способные, но ответственно решающие производственные задачи, часто работают продуктивнее, чем люди, имеющие профильно пригодные качества, но низкую мотивацию [4]. Кроме того, на образовательную и профессиональную эффективность влияют и особенности индивидуального стиля, в рамках которого человек компенсирует свои слабые склонности и способности сильными, вырабатывая специфическую стратегию использования индивидуально доступных ресурсов [11].

В комплекс здоровьесберегающего сопровождения профессионального самоопределения обязательно должна быть включена оценка состояния здоровья, так как наличие некоторых донозологических состояний и заболеваний может явиться противопоказанием в некоторых профессиональных группах.

Важным направлением деятельности педагогического коллектива образовательной организации в данном контексте является не только владение технологиями профориентационной работы и знаниями перспективного изменения рынка труда, но и фасилитаторская компетентность, позволяющая поддерживать обучающихся в социальной адаптации, личностном росте, успешности профессионального выбора [6].

Социальное партнерство общеобразовательных организаций с колледжами, техникумами, промышленными предприятиями и организациями повышает эффективность профильного образования и дальнейшей профессиональной адаптации. Профильный динамический подход, построенный на тесном сотрудничестве школы с профессиональным образованием, позволяет усилить качество подготовки выпускника в рамках конкретного профиля образования.

Таким образом, реализация принципов системности и комплексности в работе над проблемой профессионального самоопределения учащегося может стать залогом успеха в профессиональном становлении личности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Казин Э. М., Блинова Н. Г. Здоровьеформирующее образование старшеклассников в процессе профессионального самоопределения и профильного обучения // Учитель Кузбасса. 2007. № 1 (4). С. 13–18.
2. Рапопорт И. К. Состояние здоровья современных школьников и проблемы выбора профессии // Школа здоровья. 2009. № 3. С. 31–35.
3. Профессиональная ориентация молодежи: медицинские и психофизиологические аспекты / Л. М. Сухарева, К. Э. Павлович, И. К. Рапопорт, Е. И. Шубочкина // Гигиена и санитария. 2000. № 1. С. 48–52.
4. Комплектование классов профильного обучения : учеб.-метод. пособие / авт.-сост. О. А. Никифорова ; под общ. ред. Н. А. Заруба. Кемерово, 2005. 74 с.
5. Лях В. И. Профильное самоопределение учащихся на этапе предпрофильного обучения : автореф. дис... канд. пед. наук. Красноярск, 2005. 24 с.
6. Чистякова С. Н. Проблема самоопределения старшеклассников при выборе профиля обучения // Педагогика. 2005. № 1. С. 19–26.
7. Березин Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л., 1988. 267 с.

8. Касаткина Н. Э., Лысых О. Б. Реализация профильного обучения старших школьников в регионе: проблемы, теоретические основы, пути решения : коллектив. моногр. / под науч. ред. Е. Л. Рудневой. Кемерово, 2008. С. 5.
9. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения. Ростов н/Д, 1996. 512 с.
10. Эльконин Д. Б. Психология игры. М., 1978. 304 с.
11. Никифорова О. А., Навалихина В. И., Каленская Е. А. Здоровьесберегающие аспекты профильного обучения // Новые исследования. 2010. № 2 (23). С. 57–74.

REFERENCES

1. Kazin E.M., Blinova N.G. Health-forming education of high school students in the process of professional self-determination and professional education. *Uchitel' Kuzbassa = Teacher of Kuzbass*, 2007, no. 1 (4), pp. 13–18. (In Russ.).
2. Rapoport I.K. The state of health of modern schoolchildren and the problems of choosing a profession. *Shkola zdorov'ya = School of Health*, 2009, no. 3, pp. 31–35. (In Russ.).
3. Sukhareva L.M., Pavlovich K.E., Rapoport I.K., Shubochkina E.I. Professional orientation of youth: medical and psycho-physiological aspects. *Gigiena i sanitariya = Hygiene and Sanitation*, 2000, no. 1, pp. 48–52. (In Russ.).
4. *Komplektovanie klassov profil'nogo obucheniya: ucheb.-metod. posobie* [Completing specialized training classes: study guide]. Comp. by Nikiforova O.A. Ed. by Zaruba N.A. Kemerovo, 2005. 74 p.
5. Lyakh V.I. *Profil'noe samoopredelenie uchashchikhsya na etape predprofil'nogo obucheniya: avtoref. dis... kand. ped. nauk* [Profile self-determination of students at the stage of pre-profile education: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Krasnoyarsk, 2005. 24 p.
6. Chistyakova S.N. The problem of self-determination of high school students when choosing a study profile. *Pedagogika = Pedagogy*, 2005, no. 1, pp. 19–26. (In Russ.).
7. Berezin F.B. *Psikhicheskaya i psikhofiziologicheskaya adaptatsiya cheloveka* [Mental and psychophysiological adaptation of man]. Leningrad, 1988. 267 p.
8. Kasatkina N.E., Lysykh O.B. *Realizatsiya profil'nogo obucheniya starshikh shkol'nikov v regione: problemy, teoreticheskie osnovy, puti resheniya: kollektiv. monogr.* [Implementation of specialized education for senior schoolchildren in the region: problems, theoretical foundations, solutions: monograph]. Ed. by Rudneva E.L. Kemerovo, 2008. P. 5.
9. Klimov E.A. *Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya* [Psychology of professional self-determination]. Rostov on Don, 1996. 512 p.
10. El'konin D.B. *Psikhologiya igry* [Game psychology]. Moscow, 1978. 304 p.
11. Nikiforova O.A., Navalikhina V.I., Kalenskaya E.A. Health-saving aspects of specialized education. *Novye issledovaniya = New Research*, 2010, no. 2 (23), pp. 57–74. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА НИКИФОРОВА – кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева, Кемерово, Россия, nikiforova_ol@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

OL'GA A. NIKIFOROVA – Candidate of Sciences (Biology), Associate Professor, associate professor at the Department of State and Municipal Administration of the T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia, nikiforova_ol@mail.ru

Статья поступила 26.09.2023

Научная статья

УДК 159.9

doi 10.46741/sjjournal.2023.11.4.003

Формы скрытой пропаганды раннего добровольного ухода из жизни в сети Интернет

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ОРЛОВ

Академия ФСИН России, Рязань, Россия, pallidum@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2972-5457>

ЛЮБОВЬ ВЛАДИМИРОВНА ОРЛОВА

Многопрофильная школа № 17 имени маршала инженерных войск
А. И. Прошлякова г. Рязани, Рязань, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые молодежные субкультуры деструктивной направленности, распространяющие идеи добровольного ухода из жизни в сети Интернет, и описываются отдельные методы работы соответствующих интернет-сообществ.

Ключевые слова: молодежные субкультуры; пропаганда суицида; Интернет; «группы смерти».

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Орлов В. В., Орлова Л. В. Формы скрытой пропаганды раннего добровольного ухода из жизни в сети Интернет // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2023. № 4 (11). С. 21–28. doi 10.46741/sjjournal.2023.11.4.003.

Original article

Forms of Covert Assisted Suicide Propaganda on the Internet

VLADIMIR V. ORLOV

The Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, pallidum@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2972-5457>

LYUBOV' V. ORLOVA

Multidisciplinary School No. 17 named after Marshal of Engineering Troops
A.I. Proshlyakov, Ryazan, Russia

Abstract. The article examines some youth subcultures of a destructive orientation, spreading ideas of assisted suicide on the Internet, as well as describes some working methods of the relevant Internet communities.

Key words: youth subcultures; suicide propaganda; Internet; "death groups".

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Orlov V.V., Orlova L.V. Forms of covert assisted suicide propaganda on the Internet. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2023, no. 4 (11), pp. 21–28. doi 10.46741/sjournal.2023.11.4.003.

Необходимое примечание. В статье упоминаются объединения и организации, включенные в Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [1]. Авторы не ставят своей целью популяризацию их взглядов и рассматривают их исключительно как объект исследования с целью выработки мер противодействия распространению их идеологии. Во исполнение требований действующего законодательства ссылки на ряд интернет-ресурсов указанных объединений и организаций не приводятся.

В 2017 г. после широкого общественного резонанса статус экстремистского объединения получило интернет-сообщество «Синий кит», занимавшееся распространением среди пользователей, как правило подростков, идей раннего добровольного ухода из жизни. При этом Следственным комитетом Российской Федерации было установлено, что деятельность подавляющей части так называемых групп смерти курируется с территории Украины [2], то есть было признано, что данное деструктивное явление является не очередной молодежной модой, а операцией когнитивной войны [3], ведущейся против населения Российской Федерации с территории сопредельного государства.

Наивно было бы предполагать, что формальный запрет повлек за собой фактическую ликвидацию данного движения. Это и определило цель настоящего исследования: выявить в сети Интернет признаки пропаганды суицида и изучить формы, в которых она осуществляется. Объектом исследования стали 36 интернет-сообществ субкультурной направленности с общим числом подписчиков 4207 чел.

Необходимо оговориться, что суицидальные настроения не являются атрибутом компьютерной эры и эпохи Интернета. Истории известны целые культы смерти, например древнескандинавский культ мертвых воинов-эйнхериев или «Бусидо» самурайской Японии, главный постулат которого звучал как «из всех дорог всегда выбирай ту, которая ведет к смерти».

В России до конца XIX в. данная тема была табуирована, так как Церковь считала самоубийство страшнейшим из грехов: суицид с церковной точки зрения рассматривается не как лишение себя жизни, а как бунт против Божьей воли. Однако по мере ослабления позиций Церкви подобная тематика стала не только затрагиваться, но и получать художественное воплощение. Достаточно вспомнить произведения, причисленные к классическим и включенные в школьный список литературы, обязательной к изучению: «Бедная Лиза», «Гроза», «Анна Каренина»...

На рубеже XIX и XX вв. суицидальная тематика стала не просто озвучиваемой, а модной, возникло целое культурное течение «декаданс», на ниве которого отметились Д. Мережковский, З. Гиппиус, В. Сологуб, И. Анненский, К. Бальмонт, Н. Эрдман, М. Волошин, М. Куз-

мин, А. Блок, М. Цветаева, С. Есенин, В. Маяковский и др. Типичное произведение в данной стилистике выглядит следующим образом:

...в теплой душистой ванне,
не слыша никаких прощаний,
открыть себе жилы;
и чтоб в длинное окно у потолка
пахло левкоями,
светила заря
и вдалеке были слышны флейты...
(М. Кузмин «Славно умереть»).

В Советской России культ смерти был адаптирован под соответствующие идеологические запросы. В обширном коммунистическом пантеоне «павших в борьбе за светлое будущее всего человечества» категория борцов, добровольно выбравших смерть как средство достижения некоей надличностной цели, имела особое почитание. Уже в детском саду советские дети подлежали обязательному ознакомлению с произведением, в котором рассказывалось про юного барабанщика, пожертвовавшего собой и спровоцировавшего сход снежной лавины, под которой погибла группа врагов.

И хотя самоубийство как таковое в СССР жестко осуждалось, в ряде случаев в угоду идеологии могли делаться исключения. Например, семейное самоубийство дочери Карла Маркса Лауры Маркс и ее мужа Поля Лафарга советская пропаганда романтизировала и приводила как пример возвышенных отношений не столько супругов, сколько соратников по классовой борьбе.

Распад СССР и последовавшие вслед за этим социальные преобразования привели к девальвации ценности человеческой жизни и взрывообразному росту, прежде всего в молодежной среде, явных и завуалированных форм аутодеструктивного поведения. В это же время было зафиксировано ответвление от панк-движения субкультуры, ставшей впоследствии готикой, или движением готов. В психологическом плане оба движения базировались на неприятии окружающего мира, основанном на социальном пессимизме и неведении в собственное будущее. Однако если у панков этот протест был активным, то для готов стали типичными интравентрированная позиция и пассивный протест [4]. Суицидальные тенденции в данном течении возникли именно как крайняя форма пассивного протеста. Готическая субкультура возникла в докомпьютерную эпоху, но ее распространение шло уже в основном через Интернет.

Таким образом, необходимо признать, что субстрат, на котором ныне расцвели деструктивные интернет-группы, был создан задолго до изобретения Интернета. При чем культ смерти не был изолированным явлением какой-то одной общественной или идеологической системы, а в разных формах и с разными целями эксплуатировался повсеместно.

Роль Интернета свелась к тому, что монополия на информацию оказалась утрачена. По социальным сетям она стала распространяться практически мгновенно на всю интернет-аудиторию, то есть фактически на весь земной шар, а каждый интернет-пользователь стал не только потребителем, но и модератором информационного контента. При этом перестали быть односторонними трактовки тех или иных сюжетов: Интернет дал возможность для высказывания различных мнений, в том числе альтернативного, маргинального или экстремистского характера [5, с. 11–12]. Эту ситуацию усугубило то, что наиболее активную и массовую часть интернет-аудитории составляют дети и подростки, в силу возрастных особенностей не способные к критической оценке предлагаемого им информационного продукта [6].

Кроме того, Интернет стал местом, где информация, не актуальная для широких масс, может поддерживаться и обновляться силами энтузиастов в группах по интересам сколь угодно долгое время. Именно по такому принципу функционируют различные деструктивные интернет-субкультуры: «группы смерти», «колумбайнеры», виртуальные ячейки сторонников АУЕ, религиозных или политических экстремистов.

Второй неутешительный вывод звучит следующим образом: в любой современной молодежной субкультуре имеется ответвление, пропагандирующее идеи добровольного ухода из жизни. Причем осуществляться это может как в явной, так и в завуалированной форме, когда под видом неких испытаний игрового характера подросток вовлекается в аутодеструктивные действия (напомним, что «Синий кит» позиционировал себя именно как игра и идентификационным паролем для желающих присоединиться был хештэг «я в игре»).

Например, практически неприкрытой пропагандой суицида в сети Интернет занимаются группы фанатов Рины Паленковой. Рина Паленкова (настоящее имя Рената Камболина) – студентка из г. Уссурийска, совершившая 23 ноября 2015 г. суицид на камеру и ставшая иконой соответствующего подросткового течения. В Интернете существуют многочисленные группы, которые под предлогом почитания ее памяти фактически пропагандируют ее образ жизни и способ ухода из нее (это вполне успешно сочетается с коммерческой деятельностью и на тех же ресурсах адептам предлагается приобрести многочисленные аксессуары «как у Рины» – копии рюкзака, куртки, шарфа и прочего, таких, какие были на ней в день гибели).

Несмотря на то, что такие группы легко находятся в сети Интернет по соответствующему запросу [7], вступить в них достаточно проблематично, поскольку соискателю предлагается пройти не только несколько этапов подтверждения своей личности, но и целый ритуал, демонстрирующий серьезность намерений.

Так, для вступления в сообщество неопиту предлагается написать так называемое эссе о Рине, в котором он должен изложить свое мировоззрение, отношение к смерти, причины вступления в сообщество и отфантазировать от своего лица, как бы он провел на месте Рины свой последний день. С точки зрения психологии данное эссе призвано заставить подростка пропустить через себя эмоции самоубийцы и принять этот шаблон поведения как приемлемый.

Второй этап вступления сопровождается двумя действиями. Во-первых, деанонимизацией – соискатель должен раскрыть свою личность. Требование это мотивируется якобы борьбой с провокаторами и педофилами (подавляющую часть описываемой группы составляют девочки-подростки в возрасте от 10 до 14 лет, и кураторы грамотно обыгрывают их страхи). Во-вторых, идентификация происходит в форме выкладывания в сообщество своего фото или видео со следами скарификации (чаще всего нанесения глубоких царапин в области внутренних поверхностей предплечий, имитирующего вскрытие вен). Иными словами, на первом этапе соискателю предлагается принять мысль об аутодеструкции, на втором – закрепить ее в форме динамического стереотипа.

В более завуалированной форме пропаганда суицида осуществляется во внешне безобидных интернет-сообществах, например среди несовершеннолетних поклонников японской мультипликации в стиле аниме.

В аниме имеется значительное число персонажей, ушедших из жизни, в том числе добровольно [8]. Культовой стала героиня сериала «Тетрадь смерти» Миса Аманэ, согласно сценарию покончившая с собой 14 февраля 2011 г. Теперь эта дата считается у поклонников аниме чем-то вроде дня суицидального поведения, и к ней приурочиваются акции истинного и демонстрационного суицида.

Довольно специфическое отношение к рассматриваемому вопросу наблюдается у представителей экстремистской субкультуры АУЕ (варианты расшифровки данной аб-

бrevиатуры «Арестантский уклад един» или «Арестантское уголовное единство»). Являясь калькой с материнской криминальной субкультуры, АУЕ разделяет ее философию [9, с. 5–22].

В криминальной среде персистирует такое квазирелигиозное понятие, как фарт, которым обозначаются как предопределенность судьбы, так и некая удачливость, а в радикальных трактовках этот термин является синонимом счастья [10]. Наиболее близким к этой концепции понятием является фатализм, то есть убежденность, что жизнь человека предопределена заранее и не в его силах что-либо в ней изменить.

Согласно этой точке зрения, человек успешен не в силу своих способностей, а в силу того, что ему «фартит». Причем «фартовый» человек имеет фарт во всем – во всех видах деятельности, деньгах, картах, женщинах. «Непозорная» смерть – это тоже своеобразный фарт, поэтому бояться или избегать ее недостойно (западло), а в некоторых случаях она даже желательна: «лучше смерть от пули, чем от правосудия»; «умри ты сегодня, а я завтра» и т. п.

В целом при демонстративно-гедонистическом настрое криминальной субкультуры она содержит значительный пласт установок, что жизнь трудна и сложна и дорожить ею не следует. А в ситуациях выбора между братвой (верностью преступному сообществу) и чем-то иным (например, сотрудничеством с правоохранительными органами) выбор этот представляется очевидным даже ценой ухода из жизни.

В некоторых интернет-сообществах идея аутодеструкции не озвучивается напрямую, но исподволь навязывается адептам. К таким можно отнести, например, группы геронто- и тератофобской направленности.

Ненависть к лицам пожилого возраста и инвалидам в этих сообществах преподносится в псевдоюмористическом формате. Основную массу контента на таких ресурсах составляют забавные истории про пожилых и инвалидов («анеки (анекдоты) про бабок») и номера ряда артистов эстрады (крайне популярны видео соответствующей тематики от шоу-коллектива «Уральские пельмени»). Пожилые люди представлены в них озлобленными, ограниченными существами, не способными или не желающими адаптироваться к изменяющимся условиям существования (например, к овладению современным телефоном или компьютером). Герои этих юморесок постоянно попадают из-за дезадаптации в нелепые ситуации либо умышленно осложняют жизнь молодежи (например, целенаправленно пользуются общественным транспортом только в часы пик, бронируют все талончики к врачам в поликлинике на несколько дней, разводят большое число домашних животных и т. п.). Молодежь противопоставляется пожилым людям как нечто прогрессивное, чьему развитию мешает консервативный фундаментализм старшего поколения. Соответствующее резюме: от этого тормоза надлежит избавиться.

У самых радикальных представителей данного течения есть своя икона – Сатоси Уэмацу, совершивший 26 июля 2016 г. нападение на дом престарелых и холодным оружием убивший 19 и ранивший более 40 его обитателей. Хотя Уэмацу действовал из мести за увольнение, его поклонники склонны обелять его поступок и провозглашают его борцом против «засорения общества старостью».

После завершения формирования негативного образа пожилого человека адепты начинают подводиться к мысли, что сами они не должны стать такими ни при каких условиях, из чего следует вывод: «живи на всю, умри молодым» (с акцентом на вторую часть афоризма).

Абсолютно те же психологические механизмы и псевдологические обоснования присутствуют в группах чайлдфри – лиц, осознанно отказывающихся от деторождения. Основные озвучиваемые причины этого – сложность и дороговизна процесса воспитания и будущая неблагодарность детей. Носителей данной идеологии, однако, пугает отсутствие поддержки в старости и перспективы одиночества, из чего опять же вытекает софистический вывод, что до старости надо не дожить. Каким способом это осуществить, напрямую не обсуждается, но он очевиден.

Есть аналогичные группы и в рядах защитников природы. Логика «зеленого фашизма» основана на следующем постулате: все, что вредит природе, должно быть уничтожено. Надо сказать, что мягкие варианты «зеленого фашизма» озвучиваются с самых высоких трибун, вплоть до ООН, и считаются чуть ли не социально приемлемыми. Достаточно вспомнить предложение экологов о полном истреблении поголовья коров в связи с тем, что «коровы выделяют метан, который составляет до 18 % всех парниковых газов» [11].

Более радикальные защитники природы предлагают экстраполировать тот же подход и на людей: поскольку деятельность человечества вредит природе, оно должно быть уничтожено или как минимум сокращено. Исподволь предлагается псевдологичное решение – начать с себя и, прекратив свое существование, тем самым помочь природе.

В отдельную группу целесообразно выделить интернет-сообщества так называемых хайпов, то есть пользователей, которые привлекают к себе внимание созданием экстремального контента. Они распространяют не идеи аутодеструктивного поведения, а его модели, начиная с экстремальных видов спорта и заканчивая такими его суррогатами, как сталкерство, диггерство, опасное вождение, руфинг, трейнсерфинг, электричкинг, зацепинг, паркур и т. п. Характер их столь однозначен, что для их обозначения даже предложен термин «субкультуры с летальной ориентацией» [2].

Резюмируя сказанное, необходимо подчеркнуть, что, несмотря на весь прогресс медико-биологических наук, смерть как явление остается непостижима. Это обеспечивает стабильность интереса к вопросу, что ждет человека после жизни. У молодежи, находящейся в поиске своего места в мире, смысла жизни и своего предназначения, эта проблема вызывает острую заинтересованность. На этом фоне могут возникнуть ложные идеи бессмысленности бытия, собственной ненужности, отвергнутости, которые при внешней подпитке способны привести к формированию суицидальных мыслей. Интернет не формирует такой настрой, но значительно модерирует его. К тому же в рассматриваемой ситуации употреблять абстрактный термин «Интернет» абсолютно некорректно, поскольку по всем признакам видно, что подобная деструктивная деятельность носит спланированный характер и является частью когнитивной войны, ведущейся против населения Российской Федерации. Выявленный факт должен дать новое прочтение словам Президента Российской Федерации В. В. Путина, сказанным им 28 февраля 2023 г. на расширенной коллегии ФСБ: «Должна быть продолжена работа по выявлению и пресечению действий тех, кто использует Интернет и социальные сети для пропаганды идеологии терроризма и экстремизма, кто пытается вовлечь в террористические группировки наших граждан, конечно, мы с вами хорошо знаем, наиболее уязвимая категория здесь – это молодежь» [13].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 26.09.2023).
2. В российских «группах смерти» нашли живых украинцев. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3240643?ysclid=Invlpp6xzv842544390> (дата обращения: 18.10.2023).
3. Злоказов К. В., Караяни А. Г., Прокурова Н. С. Радикализация представлений молодежи о роли религии в обществе методами когнитивной войны // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 3 (90). С. 246–256.
4. Абдуллина Т. С. Готическая культура и субкультура в 21 веке // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 4 (1). С. 57–60.
5. Сочивко Д. В., Полянин Н. А. Молодежь России: образовательные системы, субкультуры, исправительные учреждения. М., 2009. 264 с.
6. Маринкин Д. Н. Актуальные вопросы профилактики преступности несовершеннолетних. Особенности их личности // Защита прав человека в современных условиях: теория и прак-

- тика : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (20 апреля 2017 г.). Пермь, 2017. С. 312–318.
7. Сайт памяти Рины Паленковой. URL: <https://web.archive.org/web/20160131151423/http://rinapalenkova.ru/> (дата обращения: 26.09.2023).
8. Персонажи, слишком рано ушедшие из жизни. URL: <https://shikimori.me/collections/6946-personazhi-slishkom-rano-ushedshie-iz-zhizni> (дата обращения: 26.09.2023)
9. Пирожков В. Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). Тверь, 1994. 70 с.
10. Лейфрид Н. В. Образ счастливого человека у современной молодежи // Суицидология. 2011. № 4. С. 44–47.
11. Выбросы от коров на новозеландских молочных фермах достигли рекордного уровня. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/aug/05/emissions-from-cows-on-new-zealand-dairy-farms-reach-record-levels> (дата обращения: 26.09.2023).
12. Черкасова Т. В. Экстремальные молодежные субкультуры с летальной ориентацией: конфликтологический анализ // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6, № 2 (19). С. 346–350.
13. Заседание коллегии ФСБ России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/70597> (дата обращения: 26.09.2023).

REFERENCES

1. *Perechen' obshchestvennykh ob"edinenii i religioznykh organizatsii, v otnoshenii kotorykh sudom prinyato vstupivshee v zakonnyu silu reshenie o likvidatsii ili zaprete deyatel'nosti po osnovaniyam, predusmotrennym Federal'nym zakonom ot 25.07.2002 No. 114-FZ "O protivodeistvii ekstremistskoi deyatel'nosti"* [List of public associations and religious organizations in respect of which the court has adopted a legally binding decision on liquidation or prohibition of activities on the grounds provided for by the Federal Law No. 114-FZ of July 25, 2002 "On Countering Extremist Activities"]. Available at: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (accessed September 26, 2023).
2. *V rossiiskikh "gruppakh smerti" nashli zhivykh ukraintsev* [Living Ukrainians were found in Russian "death groups"]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3240643?ysclid=Invlpp6xzv842544390> (accessed October 18, 2023).
3. Zlokazov K.V., Karayani A.G., Prokurova N.S. Radicalization of youth vision of the role of religion in society by methods of cognitive warfare. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2022, vol. 27, no. 3 (90), pp. 246–256. (In Russ.).
4. Abdullina T.S. Gothic culture and subculture in the 21st century. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*, 2014, no. 4 (1), pp. 57–60. (In Russ.).
5. Sochivko D.V., Polyani N.A. *Molodezh' Rossii: obrazovatel'nye sistemy, subkul'tury, ispravitel'nye uchrezhdeniya* [Youth of Russia: educational systems, subcultures, correctional institutions]. Moscow, 2009. 264 p.
6. Marinkin D.N. Topical issues of juvenile delinquency prevention. Features of their personality. In: *Zashchita prav cheloveka v sovremennykh usloviyakh: teoriya i praktika: materialy VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (20 aprelya 2017 g.)*. [Protection of human rights in modern conditions: theory and practice: proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference (April 20, 2017)]. Perm, 2017. Pp. 312–318. (In Russ.).
7. *Sait pamyati Riny Palenkovoi* [Website in memory of Rina Palenkova]. Available at: <https://web.archive.org/web/20160131151423/http://rinapalenkova.ru/> (accessed June September 26, 2023).
8. *Personazhi, slishkom rano ushedshie iz zhizni* [People who passed away too early]. Available at: <https://shikimori.me/collections/6946-personazhi-slishkom-rano-ushedshie-iz-zhizni> (accessed September 26, 2023)
9. Pirozhkov V.F. *Zakony prestupnogo mira molodezhi (kriminal'naya subkul'tura)* [Laws of the underworld of youth (criminal subculture)]. Tver, 1994. 70 p.
10. Leifrid N.V. The image of a happy person in modern youth. *Suitsidologiya = Suicidology*, 2011, no. 4, pp. 44–47. (In Russ.).
11. *Vybrosy ot korov na novozelandskikh molochnykh fermakh dostigli rekordnogo urovnya* [Emissions from cows on New Zealand dairy farms have reached record levels]. Available at: <https://>

www.theguardian.com/world/2021/aug/05/emissions-from-cows-on-new-zealand-dairy-farms-reach-record-levels (accessed September 26, 2023).

12. Cherkasova T.V. Extreme youth subcultures with letter orientation: conflictological analysis. *Azimuth nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya = Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2017, vol. 6, no. 2 (19), pp. 346–350. (In Russ.).

13. *Zasedanie Kollegii FSB Rossii* [Meeting of the Board of the FSB of Russia]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/70597> (accessed September 26, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ОРЛОВ – кандидат медицинских наук, старший преподаватель кафедры психологии профессиональной деятельности Академии ФСИН России, Рязань, Россия, pallidum@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2972-5457>

ЛЮБОВЬ ВЛАДИМИРОВНА ОРЛОВА – учащийся Многопрофильной школы № 17 имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова г. Рязани, Рязань, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

VLADIMIR V. ORLOV – Candidate of Sciences (Medicine), Senior Lecturer at the Department of Psychology of Professional Activity of the Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, pallidum@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2972-5457>

LYUBOV' V. ORLOVA – Pupil at the Multidisciplinary School No. 17 named after Marshal of Engineering Troops A.I. Proshlyakov, Ryazan, Russia

Статья поступила 09.11.2023

Научная статья

УДК 159.9

doi 10.46741/sgjournal.2023.11.4.004

Особенности терминальных ценностей сотрудников исправительных учреждений, зачисленных в резерв кадров на выдвижение

НИКОЛАЙ ГУРГЕНОВИЧ СОБОЛЕВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия,
sobolev-nikolay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>

Аннотация. В настоящее время психологическое сопровождение сотрудников, состоящих в резерве кадров на выдвижение, является одним из узловых направлений работы с кадрами УИС. В статье представлены эмпирические данные по выявлению особенностей терминальных ценностей будущих руководителей отделов и служб исправительных учреждений, подтверждающие важность и необходимость индивидуализации процесса их психологической подготовки, дальнейшего формирования профессиональной направленности личности сотрудника с учетом анализа потребностно-побудительной сферы и сформировавшихся жизненных целей.

Ключевые слова: сотрудники, зачисленные в резерв кадров на выдвижение; ценности; терминальные ценности; психологическое сопровождение.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Соболев Н. Г. Особенности терминальных ценностей сотрудников исправительных учреждений, зачисленных в резерв кадров на выдвижение // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2023. № 4 (11). С. 29–34. doi 10.46741/sgjournal.2023.11.4.004.

Original article

Features of Terminal Values of Pool Employees of Correctional Institutions

NIKOLAI G. SOBOLEV

Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, sobolev-nikolay@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>

Abstract. Nowadays, psychological support for employees being included in the employee pool is one of the key areas of work with the penal system personnel. The article presents empirical data on identifying characteristics of terminal values of future heads of departments and services of correctional institutions, confirming the importance and necessity of individualizing the process of their psychological training, promoting

professional orientation of the employee's personality with regard to the analyzed need-driven sphere and formed life goals.

Key words: employee pool; values; terminal values; psychological support.

5.3.9. Legal psychology and accident psychology.

For citation: Sobolev N.G. Features of terminal values of pool employees of correctional institutions. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2023, no. 4 (11), pp. 29–34. doi 10.46741/sjournal.2023.11.4.004.

Анализ и качественное использование психологических возможностей и ресурсов лиц, зачисленных в резерв кадров на выдвижение, с учетом требований к сотрудникам уголовно-исполнительной системы являются необходимым условием эффективного развития системы кадрового обеспечения органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания. Кадровый резерв ФСИН России в соответствии с Федеральным законом от 19.07.2018 № 197-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О службе в Уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих наказания в виде лишения свободы”» – это подобранная специальным образом в рамках установленного законом порядке группа работников с целью их подготовки и последующего выдвижения на вышестоящие должности в уголовно-исполнительной системе.

В отечественной психологии (Б. Г. Ананьев, К. А. Абульханова-Славская, Б. С. Братусь, Д. А. Леонтьев, Е. А. Климов, В. Э. Чудновский и др.) системообразующим элементом, обуславливающим вектор профессионального и личностного развития специалиста, принято считать сформировавшуюся систему ценностных ориентаций, состоящую из инструментальных (средства) и терминальных (цели) ценностей [1, с. 161–162].

Ценностные ориентации – это сформировавшаяся на основе интериоризации норм и ценностей социального окружения система отношений индивида к объектам окружающей действительности с учетом их субъективного оценивания по степени значимости. Система ценностных ориентаций определяет поиск и выбор субъектом лично значимых целей в жизнедеятельности, корректируя и наполняя смыслом активность при решении поставленных задач [2].

В своем исследовании Е. И. Головаха прямо отмечает важность изучения иерархии ценностных ориентаций у профессионала, которая выступает узловым фактором при планировании карьеры и определяет концептуальные рамки развития личности в профессии [3].

Изучению ценностных ориентаций сотрудников уголовно-исполнительной системы посвящены работы Н. Н. Белогорцева, Э. В. Дарбиняна, М. М. Ицковича, В. С. Красника, С. В. Маришина, Н. А. Самойлик, В. А. Шалаева, Н. Н. Тавтиловой и др.

Актуальность исследования особенностей ценностных ориентаций личности сотрудников исправительного учреждения (далее – ИУ) в профессиональной деятельности обусловлена рядом факторов.

Во-первых, эмпирическое исследование содержательных особенностей ценностных ориентаций работников, включенных в ближайший резерв, позволяет повысить эффективность психологического сопровождения данной категории сотрудников, актуализировать внутренние адаптационные ресурсы и т. п.

Во-вторых, эффективность психологического сопровождения работников, зачисленных в кадровый резерв, предполагает анализ объектных (отражающих психологические особенности сотрудника), субъектных (отражающих специфические особенности содержания профессиональной деятельности), обстановочных (отражающих условия, в которых протекает как служба, так и жизнедеятельность сотрудника и членов семьи) факторов и

условий профессионального роста сотрудников непосредственно в различных подразделениях ИУ [4, с. 324–326].

Следовательно, изучение особенностей терминальных ценностей сотрудников, состоящих в резерве кадров на выдвижение, будет способствовать повышению эффективности психологического сопровождения процесса адаптации работника к условиям службы, формированию аутопсихологической компетентности и раскрытию психологического потенциала личности с учетом требований, предъявляемых к новой должности [5].

Целью нашего исследования выступило изучение особенностей терминальных ценностей сотрудников ИУ, зачисленных в резерв кадров на выдвижение. Исследование было проведено на базе ИК-1, ИК-8, ИК-20 УФСИН России по Республике Коми. Общий объем выборки составил 40 человек (сформированы две группы: 1) 20 сотрудников мужского и женского пола, состоящих в резерве кадров на выдвижение; 2) 20 сотрудников, не состоящих в резерве кадров). Группы были уравновешены по полу, возрасту, образовательному уровню, стажу службы в исправительной колонии. Так, в первую группу вошли 12 респондентов мужского и 8 сотрудников женского пола, средний возраст опрошенных составил 34 года, 17 сотрудников имеют высшее образование, 3 – неоконченное высшее, стаж службы – от 3 до 8 лет. В состав второй группы вошли 13 респондентов мужского и 7 сотрудников женского пола, средний возраст опрошенных – 32 года, 16 сотрудников имеют высшее образование, 4 – неоконченное высшее, стаж службы – от 4 до 9 лет.

В качестве инструмента, позволяющего исследовать особенности терминальных ценностей сотрудников, зачисленных в резерв кадров на выдвижение, нами был выбран «Опросник терминальных ценностей» И. Г. Сенина. Данная методика ориентирована на изучение жизненных целей (всего восемь), характеризующихся разной степенью значимости для испытуемого, и их представленности в разных сферах жизнедеятельности субъекта [6].

Далее более подробно рассмотрим результаты эмпирического исследования особенностей терминальных ценностей лиц, зачисленных в резерв кадров на выдвижение и сотрудников, не состоящих в резерве кадров (табл. 1). С целью определения наиболее актуальных терминальных ценностей эмпирические данные были ранжированы.

Таблица 1

Показатели рангов у респондентов, входящих в состав первой и второй групп, по методике «Опросник терминальных ценностей» И. Г. Сенина

№ п/п	Список терминальных ценностей	Ранг 1 группы	Ранг 2 группы
1	Собственный престиж	4	2
2	Высокое материальное положение	3	1
3	Креативность	8	7
4	Активные социальные контакты	7	5
5	Развитие себя	5	6
6	Достижения	2	4
7	Духовная удовлетворенность	6	7
8	Сохранение собственной индивидуальности	1	3

Анализ эмпирических данных, представленных в таблице 1, позволяет отметить, что респонденты, включенные в первую группу, характеризуются более высокими рангами по шкалам «Сохранение собственной индивидуальности» (1), «Достижения» (2), «Высокое материальное положение» (3) и «Собственный престиж» (4). Так, высокие ранги, полученные по шкалам «Сохранение собственной индивидуальности» (1) и «Достижения» (2), позволяют предположить, что для лиц, включенных в кадровый резерв, ценность реализации своих

возможностей в профессиональной деятельности посредством индивидуального и независимого стиля позволяет достигать результата в конкретных условиях несения службы.

Высокая значимость терминальной ценности «Высокое материальное положение» указывает на то, что респонденты, включенные в первую группу, стремятся к большей финансовой стабильности с целью компенсации своих ограничений, обусловленных службой в ИУ, а также для удовлетворения различных потребностей, таких как создание и благополучие своей семьи, повышение самооценки и т. п.

Высокий ранг, полученный по шкале «Собственный престиж» (4), может быть обусловлен профессиональной направленностью респондентов первой группы на достижение значимых результатов в службе. Вероятно, актуализация данной ценности у лиц, включенных в резерв кадров объясняется, с одной стороны, их ориентированностью на четкое выполнение своих должностных обязанностей, а с другой – на поиск поддержки и одобрения со стороны коллег по службе и ближайшего социального окружения.

Среди шкал с наименьшим рангом следует назвать «Креативность» (8) и «Активные социальные контакты» (7), что может объясняться стремлением к стабильному, прогнозируемому и упорядоченному графику жизнедеятельности, отсутствию побуждения к внесению изменений в свою жизнь и необходимости творческих изменений в деятельности, обусловленными спецификой службы в ИУ. Кроме этого, респонденты первой группы ориентированы на максимально эффективное выполнение задач и достижение результатов, что предполагает четкое соблюдение служебной субординации и необходимость поддержания определенной психологической дистанции в общении.

У респондентов, включенных во вторую группу, среди терминальных ценностей, получивших наибольший ранг, можно отметить такие шкалы, как «Высокое материальное положение» (1) и «Собственный престиж» (2), что свидетельствует об ориентированности на достижение более высокого уровня материального и финансового благополучия, поиск поддержки и признания со стороны коллег по службе и ближайшего социального окружения.

Для определения силы корреляционной связи между двумя групповыми иерархиями признаков был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена (табл. 2) [7, с. 208–223]. В качестве гипотезы мы предположили, что корреляция между упорядоченными перечнями терминальных ценностей у респондентов, входящих в первую и вторую группы, статистически значимо отличаются от нуля.

Таблица 2

Положение рангов терминальных ценностей в первой и второй группах по методике «Опросник терминальных ценностей» И. Г. Сенина

№ п/п	Список терминальных ценностей	Ранг 1 группы	Ранг 2 группы	d	d ²
1	Собственный престиж	4	2	2	4
2	Высокое материальное положение	3	1	2	4
3	Креативность	8	8	0	0
4	Активные социальные контакты	7	5	-2	4
5	Развитие себя	5	6	-1	1
6	Достижения	2	4	-2	4
7	Духовная удовлетворенность	6	7	-1	1
8	Сохранение собственной индивидуальности	1	3	-2	4

Как видно из таблицы 2, степени значимости в оценке терминальных ценностей у респондентов обеих групп, расходятся на уровне $p \leq 0,05$ (коэффициент ранговой корреляции Спирмена $r_{эмп.} < r_{кр.}$ при $p = 0,73$ (связь достоверна, если $r_{эмп.} \geq 0,72$)). Данные таблицы 2

позволяют определить, что основные расхождения приходятся на ценности «Собственный престиж», «Высокое материальное положение», «Активные социальные контакты», «Достижения» и «Сохранение собственной индивидуальности», ранги остальных ценностей достаточно близки.

Анализ результатов ранжирования мнений респондентов, включенных в первую и вторую группы, позволяет утверждать, что сотрудники, зачисленные в резерв кадров, в большей степени акцентируют внимание на таких терминальных ценностях, как «Сохранение собственной индивидуальности» и «Достижения». Вероятно, сотрудники данной категории характеризуются большим стремлением к сохранению индивидуальности в профессиональной деятельности. Сформированность индивидуальности у сотрудников первой группы свидетельствует о наличии потребности в дальнейшем профессиональном совершенствовании, продуктивности самосознания, а также самоутверждении личности и осознании собственной компетентности при решении служебных задач.

Сотрудники ИУ, не состоящие в резерве кадров, ориентированы на такие терминальные ценности, как «Высокое материальное положение» и «Собственный престиж», что может отражать их большую ориентацию на извлечение материальных выгод от службы в ИУ, чем побуждение к повышению своего профессионального мастерства и достижению успеха при решении служебных задач.

Итак, сотрудники ИУ, зачисленные в резерв, в большей степени, ориентированы на достижение индивидуальности в профессиональной деятельности и активны при решении поставленных задач в процессе исполнения должностных обязанностей. В отличие от сотрудников, входящих во вторую группу, потенциальные руководители в меньшей степени стремятся к установлению благоприятных взаимоотношений с коллегами по службе, предпочитая доверительному общению профессиональное, действуя в рамках должностной субординации. Таким образом, актуальность участия пенитенциарных психологов в совершенствовании механизмов сопровождения, в частности формировании резерва руководящих кадров, становится все более заметной. Можно утверждать, что данное обстоятельство не только обусловлено действующими правовыми документами, но и вытекает из самой специфики их деятельности.

На основе сравнительного анализа иерархического распределения терминальных ценностей, участвующих в регуляции деятельности сотрудников, зачисленных в кадровый резерв, удалось установить их направленность на такие терминальные ценности, как «Сохранение собственной индивидуальности», «Достижения» и «Высокое материальное положение». В качестве метода воздействия на личностные и поведенческие характеристики, позволяющего эффективно сочетать процесс профессиональной подготовки и психологического сопровождения сотрудников, зачисленных в резерв кадров, можно использовать социально-психологический тренинг «Модель тренингового обучения», разработанный М. С. Яницким [8].

Цель таких тренинговых занятий – идентификация сотрудников, зачисленных в резерв руководящих кадров ИУ, с их будущей профессиональной деятельностью, дальнейшее развитие психологических знаний и навыков, способных повысить готовность к успешному преодолению трудностей в управленческой сфере.

При этом выбор данного тренинга обусловлен направленностью на повышение субъективной значимости в профессиональной деятельности сотрудников таких ценностей, как «Креативность», «Развитие себя» и «Духовная удовлетворенность». Согласимся с утверждением М. С. Яницкого о том, что ориентация сотрудника на осознание значимости данных терминальных ценностей будет способствовать повышению продуктивности будущей профессиональной деятельности, максимальной самореализации в новой для себя должности и осмысленности жизни в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ярина Е. В. Теоретический анализ понятий «ценности» и «ценностные ориентации» // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5 (61). С. 160–162.
2. Бубнова С. С. Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система // Психологический журнал. 1999. № 5. С. 38–44.
3. Головаха Е. И. Жизненные перспективы и ценностные ориентации личности // Психология личности в трудах отечественных психологов / сост. Л. В. Купимов. СПб., 2001. С. 262–275.
4. Столяренко А. М. Общая и профессиональная психология. М., 2003. 382 с.
5. Байдова Н. В., Буранова Е. А. Основные этапы формирования резерва руководящих кадров УИС // Аллея науки. 2018. № 10 (26). С. 612–615.
6. Сенин И. Г. Опросник терминальных ценностей. Ярославль, 1991. 19 с.
7. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. СПб., 2004. 350 с.
8. Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово, 2000. 203 с.

REFERENCES

1. Yarina E.V. Theoretical analysis of the concepts “values” and “value orientations”. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = Scientific Notes of Orel State University*, 2014, no. 5 (61), pp. 160–162.
2. Bubnova S.S. Value orientations of personality as a multidimensional nonlinear system. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 1999, no. 5, pp. 38–44. (In Russ.).
3. Golovakha E.I. Life prospects and value orientations of personality. In: *Psikhologiya lichnosti v trudakh otechestvennykh psikhologov* [Personality psychology in the works of domestic psychologists]. Comp. by Kupimov L.V. Saint Petersburg, 2001. Pp. 262–275. (In Russ.).
4. Stolyarenko A.M. *Obshchaya i professional'naya psikhologiya* [General and professional psychology]. Moscow, 2003. 382 p.
5. Baidova N.V., Buranova E.A. The main stages of the formation of the reserve of senior personnel of the UIS. *Alleya nauki = Alley of Science*, 2018, no. 10 (26), pp. 612–615. (In Russ.).
6. Senin I.G. *Oprosnik terminal'nykh tsennostei* [Questionnaire of terminal values]. Yaroslavl, 1991. 19 p.
7. Sidorenko E.V. *Metody matematicheskoi obrabotki v psikhologii* [Methods of mathematical processing in psychology]. Saint Petersburg, 2004. 350 p.
8. Yanitskii M.S. *Tsennostnye orientatsii lichnosti kak dinamicheskaya sistema* [Value orientations of personality as a dynamic system]. Kemerovo, 2000. 203 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

НИКОЛАЙ ГУРГЕНОВИЧ СОБОЛЕВ – кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела разработки методологий социальной, психологической, воспитательной и педагогической работы с осужденными центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, sobolev-nikolay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

NIKOLAI G. SOBOLEV – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Senior Researcher at the Department for the Development of Methodologies for Social, Psychological, Educational and Pedagogical Work with Convicts of the Center for Research in the Problems of Execution of Criminal Penalties and Psychological Support for Professional Activities of Employees of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, sobolev-nikolay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6101-7437>

Статья поступила 21.11.2023

Научная статья

УДК 343.345(470.22)

doi 10.46741/sgjournal.2023.11.4.005

Как власть боролась с тунеядцами в 1950–1960-х годах (на материалах Карелии)

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА ВАВУЛИНСКАЯ

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра
Российской академии наук, Петрозаводск, Россия, ludvav@mail.ru

Аннотация. В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документов Национального архива Республики Карелия и архива МВД России по Республике Карелия рассмотрены вопросы работы правоохранительных органов и органов социального обеспечения республики по выявлению и привлечению к труду так называемых тунеядцев в 1950–1960-х гг. Освещены меры по ликвидации и предупреждению нищенства, трудности в трудоустройстве и оказании социальной помощи лицам, задержанным органами милиции, показано привлечение прессы, Русской православной церкви и общественности к проблемам тунеядства и бродяжничества, выявлена региональная специфика борьбы с антиобщественными элементами. Выяснены причины неэффективности мер по сокращению численности бродяг и нищих в 1950–1960-х гг.

Ключевые слова: тунеядство; нищенство; трудоустройство инвалидов и престарелых; дома инвалидов.

5.6.1. Отечественная история.

Для цитирования: Вавулинская Л. И. Как власть боролась с тунеядцами в 1950–1960-х гг. (на материалах Карелии) // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2023. № 4 (11). С. 35–44. doi 10.46741/sgjournal.2023.11.4.005.

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук.

Original article

How the Government Fought against Parasites in the 1950–1960s (Case Study of Karelia)

LYUDMILA I. VAVULINSKAYA

Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research
Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia,
ludvav@mail.ru

Abstract. Based on the documents of the National Archive of the Republic of Karelia and the archive of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Republic of Karelia,

firstly introduced into scientific circulation, the article examines issues of the work of law enforcement and social security bodies of the republic to identify and recruit the so-called parasites in the 1950s and 1960s. The author highlights measures to eliminate and prevent begging, boost employment and provide social assistance to persons detained by police authorities, shows involvement of the press, the Russian Orthodox Church and the public in the problems of parasitism and vagrancy, and reveals the regional specifics of the fight against antisocial elements. The reasons for the ineffectiveness of measures to reduce the number of vagrants and beggars in the 1950s and 1960s are clarified.

Key words: parasitism; begging; employment of foreigners and the elderly; homes for the disabled.

5.6.1. National history.

For citation: Vavulinskaya L.I. How the government fought against parasites in the 1950–1960s (case study of Karelia). *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2023, no. 4 (11), pp. 35–44. doi 0.46741/sgjournal.2023.11.4.005.

The article was prepared as part of the state assignment of the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences

Одной из высших ценностей советского гражданина считался труд на благо общества. К трудоспособным гражданам, уклонявшимся от общественно полезного труда, нарушавшим трудовую дисциплину, применялись жесткие административные меры и привлечение к уголовной ответственности. Борьба с тунеядством и ведением паразитического образа жизни занимала важное место в системе мер по устранению причин существования преступности. В исследованиях по названной проблеме [1–10] рассматриваются вопросы формирования уголовного законодательства в СССР в 1950–1960-х гг., направленного на борьбу с такими явлениями, как тунеядство, нищенство и бродяжничество, рассмотрены категории граждан, живущих на нетрудовые доходы, механизм реализации Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 04.05.1961 «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни», выяснены причины неэффективности мер по сокращению численности бродяг и нищих. Исследователи подчеркивают, что нищенство и бродяжничество расценивались не только как социальная проблема, но и как идеологическая угроза советскому строю [4, с. 305; 6, с. 123], что в начале 1950-х гг. в государственной политике по отношению к социальным маргиналам возобладала тенденция к изоляции, исключению из социума [2, с. 108]. Ряд ученых обосновывает предположение о том, что ужесточение законодательства в отношении уголовной преступности, принятие репрессивного закона о тунеядцах в 1961 г., обуславливались в первую очередь необходимостью противодействия обозначившейся по мере социальной либерализации советского общества тенденции к усилению частнопредпринимательской инициативы, проявлению любой негосударственной активности в экономической сфере [11; 12; 13, с. 213]. Е. Ю. Зубкова отмечает тот факт, что «указ о “паразитах” ... сразу приобрел не самую лестную известность – как инструмент борьбы с инакомыслием. Случай Иосифа Бродского – самый известный эпизод из этого ряда...» [4, с. 305]. На основании изложенного исследователи пришли к выводу, что «в ретроспективе советской истории борьба с тунеядством стала инструментом для решения самых различных социальных, экономических и политических проблем» [7, с. 216].

Большим подспорьем для историков, изучающих проблемы нищенства, тунеядства, стал выход в свет сборника документов «На “краю” советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945–1960-е гг.», подготовленного Е. Ю. Зуб-

ковой и Т. Ю. Жуковой [14]. Документы освещают государственную политику по отношению к обитателям социального дна послевоенного периода, а также представителям группы риска, которые по разным причинам могли оказаться на обочине жизни. В сборнике впервые в наиболее полном виде воссозданы процесс разработки законодательства по борьбе с «лицами, ведущими антиобщественный, паразитический образ жизни», и практика его применения.

Таким образом, исследователями проделана значительная работа по изучению маргинальных групп советского общества послевоенного времени, в частности так называемых тунеядцев и паразитов. В то же время лишь немногие работы освещают ситуацию с данной социальной категорией на местах, в регионах. Между тем выявление региональной специфики борьбы с антиобщественными элементами позволяет расширить и углубить представление о социальной трансформации послевоенного общества.

В статье на основе вовлечения в научный оборот ранее не публиковавшихся документов Национального архива Республики Карелия и архива МВД России по Республике Карелия впервые рассмотрены вопросы работы правоохранительных органов и органов социального обеспечения по выявлению и привлечению к труду так называемых тунеядцев в 1950–1960-е гг. Исследование подготовлено на основе использования системного, проблемно-хронологического, историко-сравнительного и статистического методов.

Впервые в советском законодательстве послевоенных лет, как справедливо отмечает Е. Ю. Зубкова, словосочетание «лица, ведущие антиобщественный, паразитический образ жизни» появилось в указах Президиума Верховного Совета СССР от 21.02.1948 и 02.06.1948. Они касались крестьян-колхозников, которые не выработывали необходимого минимума трудодней в колхозе [2, с. 107].

До 1951 г. не существовало специальных нормативных актов, касающихся нищенства и нищих. Так, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23.06.1951 «О мерах борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами» трудоспособных лиц, задержанных за попрошайничество, злостно уклоняющихся от общественно полезного труда и ведущих паразитический образ жизни, а также бродяг, не имеющих определенных занятий и места жительства, следовало направлять на спецпоселение в отдаленные районы Советского Союза сроком на пять лет с обязательным привлечением их к трудовой деятельности по месту поселения. Предусмотренные меры применялись в отношении мужчин в возрасте от 18 до 55 лет и женщин в возрасте от 18 до 50 лет. Инвалидов и престарелых, а также трудоспособных, но не имеющих работы, передавали на попечение социальных органов, которые должны были заниматься их трудоустройством или направлять под опеку родственников и в дома инвалидов. При этом ни в Уголовном кодексе РСФСР, ни в Уголовном кодексе СССР положений, криминализирующих бродяжничество и попрошайничество, не существовало вплоть до 1960 г. [5].

Постановлением Совета министров Карело-Финской ССР (существовала с 31 марта 1940 г. до 16 июля 1956 г., когда вновь была преобразована в Карельскую АССР) от 08.08.1951 был отмечен рост числа нищих в крупных городах республики и определен ряд мер по ликвидации и предупреждению нищенства: проведение обследования материально-бытовых условий лиц, занимающихся нищенством, и изучение его причин, трудоустройство инвалидов, направление нищих из числа нетрудоспособных лиц, не имеющих родственников, в дома инвалидов и престарелых, организация опекунства над инвалидами и престарелыми на предприятиях и в учреждениях, ликвидация беспризорности и безнадзорности среди детей и др. (Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р-1294. Оп. 7. Д. 474. Л. 92–94).

По приказу министра госконтроля КФСР от 05.10.1954 была проведена проверка состояния борьбы с нищенством и антиобщественными паразитическими элементами в Министерстве социального обеспечения, отделе соцобеспечения Петрозаводского гор-

исполкома, домах инвалидов на острове Валаам и в поселке Рюттю, Карельском финансово-промышленном совете и его артелях. Проверка показала, что работа по предупреждению и ликвидации нищенства в республике была недостаточной. В 1951–1953 гг. (по неполным данным) было учтено 100 инвалидов Великой Отечественной войны, труда и престарелых, занимавшихся нищенством, среди них: пенсионеров – 43, инвалидов и престарелых не получавших пенсию – 55 и трудоспособных (многодетных) – 2. Из них было помещено в дома инвалидов 9 чел., трудоустроено – 10, назначены пенсии – 11 и помещен в больницу – 1 (НК РФ. Ф. Р-5536. Оп. 8. Д. 1/11. Л. 21).

Значительная часть инвалидов не была охвачена трудоустройством, так как Министерство социального обеспечения не имело профтехнической школы для их обучения и переобучения, а планы производственного обучения инвалидов непосредственно на предприятиях часто не выполнялись. Многие руководители под любым предлогом старались не брать на работу инвалидов, престарелых, задержанных за бродяжничество людей. На предприятиях, в том числе в производственных артелях инвалидов, не создавались необходимые производственные и бытовые условия для их труда, низкими были заработки. Так, в швейных мастерских артели «Победа» отсутствовали механизация труда, искусственная вентиляция, ниже нормы была производственная площадь. 11 работниц-инвалидов проживали в общежитии, жилая площадь на каждую из них составляла 3,6 кв. м. Из-за отсутствия подсобных бытовых помещений в комнате спали, готовили себе пищу, умывались, стирали и хранили дрова. На 11 человек имелись всего четыре стула и один стол (НА РК. Ф. Р-5536. Оп. 8. Д. 1/11. Л. 25).

Созданные в 1951 г. на девяти крупных предприятиях г. Петрозаводска опекунские советы из-за отсутствия руководства ими со стороны Министерства социального обеспечения и его органов в 1953 г. прекратили свое существование. Для оказания помощи престарелым, больным и утратившим трудоспособность колхозникам Министерство социального обеспечения республики в 1953–1954 гг. было обязано организовать в колхозах республики 200 касс взаимопомощи колхозникам. Фактически из созданных 175 касс на 01.10.1954 действовали только 32 (НА РК. Ф. Р-5536. Оп. 8. Д. 1/11. Л. 21).

Серьезные недостатки были выявлены в работе домов инвалидов республики. В доме инвалидов «Рюттю» содержалось 107 чел., 63 из них были больны туберкулезом. На каждого инвалида приходилось по 3,4 кв. м вместо 7,5 кв. м, предусмотренных нормой. Помещения не проветривались, форточки отсутствовали или были очень малы по размеру. В жилых корпусах не были предусмотрены столовая и уборные. Для перевозки инвалидов на медицинское обследование в г. Сортавала (за 17 км) не имелось специального транспорта, поэтому перевозка осуществлялась в открытой автомашине, на которой доставлялись продукты питания.

В доме инвалидов на острове Валаам, где проживал 981 чел., не были оборудованы комнаты для сушки белья; помывка в бане производилась нерегулярно, с промежутками в 20 дней. В комнатах не было столов, не доставало тумбочек, табуретов, продукты и личные вещи хранились на подоконниках, под подушками. В доме применялось керосиновое освещение, так как электростанция на острове не работала. В столовых не хватало посуды, и питание было организовано в три смены. Недостаточная обеспеченность медицинским персоналом являлась одной из причин высокой смертности инвалидов: за 9 месяцев 1954 г. умерло 109 чел. при среднем контингенте обеспечиваемых 900–1000 чел. (НА РК. Ф. Р-5536. Оп. 8. Д. 1/11. Л. 14–16, 21).

Причины неэффективной работы по сокращению числа нищих и бродяг в целом по стране были сформулированы в докладе МВД СССР в Президиум ЦК КПСС от 20.02.1954. В нем отмечалось, что среди задержанных в 1951–1953 гг. нищих инвалиды войны и труда составили 70 %, лица, испытывавшие временную нужду, – 20 %, профессиональные нищие – 10 % и в их числе трудоспособные граждане – 3 %. Органы социального обеспечения

и местные Советы депутатов трудящихся недостаточно активно занимались размещением нищих в дома инвалидов и престарелых, их трудоустройством, а также определением им пенсий и патронирования. Так, из числа задержанных нищих по Москве, Ленинграду и Ростову трудоустроивались и помещались в дома инвалидов и престарелых не более 2–3 %, что было связано с отсутствием достаточного количества таких учреждений. В связи с этим органы милиции вынуждены были подавляющее большинство задерживаемых нищих освободить. Часть нищенствующих инвалидов и престарелых отказывалась от направления в дома инвалидов или самовольно оставляла их, закона же о принудительном содержании таких лиц в домах инвалидов не было. Большая часть нищенствующих являлись нетрудоспособными и престарелыми, не подпадающими под действие указа, поэтому судить и отправлять их в места лишения свободы было невозможно [16].

Данные по республике подтверждают выводы МВД СССР о том, что часто борьба с бродяжничеством и нищенством осуществлялась формально и ограничивалась задержанием таких лиц, направлением их в приемники-распределители с последующим возвратом на улицу. В 1955 г. работниками наружной службы органов милиции МВД КФСР было задержано 187 нищих, из них привлечено к уголовной ответственности – 15, помещено в дома инвалидов – 31, трудоустроено – 35, предупреждено 106 (Архив МВД по Республике Карелия (далее – АМВД РК). Ф. 40. Оп. 1. Д. 444. Л. 18).

Значительные трудности в борьбе с бродяжничеством и тунеядством в республике были связаны с тем, что около половины нищенствующих составляли жители других регионов и лица без определенного места жительства. Органами милиции МВД КФСР на территории Карелии в 1951 г. было задержано 217 лиц, занимающихся нищенством, в 1952 г. – 163, в 1953 г. – 200. Из 109 задержанных с марта по октябрь 1954 г. местными жителями (инвалиды Отечественной войны, инвалиды труда и престарелые) были 41 чел., 27 – жителями других республик и 23 не имели определенного места жительства. Среди 41 чел., задержанного за 9 месяцев 1954 г. в поездах и на станциях Кировской железной дороги в пределах республики, являлись местными жителями – 21, жителями других республик – 6 и без определенного места жительства – 14 (НА РК. Ф. Р-5536. Оп. 8. Д. 1/11. Л. 19).

Большое внимание уделялось пропаганде здорового образа жизни. Так, 9 августа 1954 г. бюро ЦК КП КФСР приняло постановление «О мерах по усилению пропаганды здорового быта среди населения», обязывавшее партийные, комсомольские и профсоюзные организации развернуть систематическую общественную борьбу с алкоголизмом, улучшить культурно-массовую работу и т. д. (НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 5965. Л. 4–6).

К работе по предупреждению и ликвидации нищенства активно привлекалась общественность. В справке о работе наружной службы органов милиции МВД КФСР за 1955 г. отмечалось, что в республике действовали 415 бригад содействия милиции, в которых состояли 3275 чел. (АМВД РК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 444. Л. 18). К концу 1950-х гг. накопили некоторый положительный опыт созданные партийными организациями республики 19 районных и городских штабов, объединявших более 560 добровольных народных дружин, в составе которых насчитывалось свыше 12,5 тыс. чел. (НА РК. Ф. П-3. Оп. 11. Д. 59. Л. 92).

Новый виток борьбы с тунеядцами наступил после опубликования 21 августа 1957 г. в газете «Советская Россия» проекта закона «Об усилении борьбы с общественно вредными паразитическими элементами». В 1958 г. органами милиции КАССР к уголовной ответственности был привлечен 1931 чел., в том числе лица, не занимавшиеся общественно полезным трудом, 52, лица, не работавшие и не имевшие постоянного места жительства, – 103, временно не работавшие и не учащиеся – 158 (АМВД РК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 536. Л. 63). В прессе повсеместно обсуждались проблемы борьбы с тунеядцами как антиобщественными элементами. Нормой считалась исключительно работа на государство, а все остальные занятия проходили по разряду отклонений, обозначенных как «уклонения от общественно полезного труда» [4, с. 305].

К борьбе за искоренение общественных аномалий подключилась православная церковь. 14 апреля 1960 г. благочинный архимандрит Геннадий обратился к настоятелям и исполнительным органам двадцаток церквей Олонецкой епархии с призывом: «В нашей стране нищие и разные проходимцы постепенно изживаются. Все, потерявшие способность к труду, обеспечиваются от государства пенсией или бесплатным содержанием в домах инвалидов. По примеру других епархий необходимо и в наших храмах прекратить нищенство. Предлагается Вам для этого принять неотложные меры, включительно до содействия от органов милиции» (НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 44. Л. 11).

6 октября 1960 г. бюро Карельского обкома КПСС приняло постановление «О серьезных недостатках в устной и печатной пропаганде против неправильного отношения к труду и социалистической собственности», в котором отмечалось, что в республиканских, районных и ведомственных газетах, по радио и телевидению, в лекционной пропаганде крайне слабо ведется борьба за неукоснительное претворение в жизнь принципа социализма «Кто не работает, тот не ест» и предлагалось разработать практические мероприятия по усилению трудового воспитания, развитию у советских людей идейных и моральных стимулов к труду, привлечь к этому делу широкие слои общественности (НА РК. Ф. П-3. Оп. 11. Д. 47. Л. 24–25). Эти задачи становились особенно актуальными в свете подготовки к XXII съезду партии, принявшему в октябре 1961 г. программу развернутого строительства коммунизма.

4 мая 1961 г. Президиум Верховного Совета РСФСР принял указ «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный образ жизни», предусматривавший привлечение к уголовной ответственности лиц, не работавших более четырех месяцев в году. Повсеместно было организовано обсуждение указа на собраниях на предприятиях, в организациях, учреждениях, по месту жительства. Принимались меры общественного воздействия к лицам, не занятым трудом. Так, общественный суд поселка Переезд Пяльмского поселкового совета Пудожского района, рассмотрев вопрос об одном из не работавших жителей, дети которого не посещали школу и детский сад, вынес решение ходатайствовать перед соответствующими районными организациями о лишении родителей прав и выселении их из поселка (НА РК. Ф. П-1305. Оп. 1. Д. 805. Л. 47). На территории Пудожского района было выявлено 13 чел., уклонявшихся от общественно полезного труда и ведущих паразитический образ жизни. Большинство из них допускали прогулы, пьянствовали или нигде не работали. Из них три человека были выселены, двое трудоустроены, остальные предупреждены о возможной высылке в случае, если не приступят к работе (НА РК. Ф. П-1305. Оп. 1. Д. 805. Л. 66–68).

В справке заведующего отделом административных и торгово-финансовых органов Карельского обкома КПСС М. Миммиева (не ранее 25.06.1961) отмечалось, что много преступлений совершалось тунеядцами и лицами, ведущими паразитический образ жизни. Только за первое полугодие 1961 г. было привлечено к уголовной ответственности 103 чел., или 14 % к общему числу обвиняемых. В мае–июне 1961 г. в республике было выявлено и предупреждено 145 тунеядцев. Из них один в течение восьми лет занимался запрещенным промыслом – изготавливал статуэтки и другие лепные изделия, которые продавал на рынке, другой в порядке частнопредпринимательской деятельности заготавливал древесину для колхозов Хмельницкой и Полтавской областей Украины. Из числа предупрежденных 91 чел. устроился на работу и 6 чел. по постановлениям народных судов выселены на срок от 2 до 5 лет, направлены на рассмотрение материалы о выселении еще на четверых лиц, в том числе на трех – в коллективы трудящихся (НА РК. Ф. П-3. Оп. 12. Д. 156. Л. 78). По состоянию на 15.08.1961 число лиц, уклонявшихся от общественно полезного труда, составило уже 316 чел., из них 28 чел. осуждены народными судами и выселены в Томскую область. При этом имели место отдельные факты, когда органы милиции, прокуратуры и суда необоснованно привлекали граждан к ответственности по указу (НА РК. Ф. П-3. Оп. 12. Д. 156. Л. 54).

Рассматривая ход выполнения Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 04.05.1961, Совет министров КАССР в ноябре 1961 г. признал, что к занятию отдельных лиц запрещенными промыслами и частнопредпринимательской деятельностью приводили недостаточно развитые в ряде городов и районов предприятия по бытовому обслуживанию населения, низкое качество выполняемых ими работ, слабый контроль за соблюдением законов о землепользовании и содержании скота в личном пользовании граждан. Оставались проблемы и с трудоустройством уклонявшихся от общественно полезного труда: из 427 предупрежденных милицией и прокуратурой к октябрю 1961 г. были трудоустроены только 207. В г. Петрозаводске из 106 предупрежденных милицией трудоустроены 53 чел. (НА РК. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 622. Л. 86–88). Особые сложности возникли при трудоустройстве инвалидов: в ноябре 1961 г. в республике насчитывалось 2278 неработающих инвалидов 3-й группы, но при комбинатах бытового обслуживания в районах республики не было ни одной мастерской для инвалидов и престарелых (НА РК. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 680. Л. 264). Совет министров КАССР предусмотрел ряд мер по трудоустройству инвалидов: организация надомного труда по корзиноплетению, картонажному и швейному производствам, устройство на работу по специальности на Петрозаводскую мебельную фабрику и т. д. (НА РК. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 680. Л. 264–267).

Еще одной категорией, вызывавшей беспокойство властей, являлись цыгане. В ноябре 1964 г. Совет министров КАССР рассмотрел вопрос «О выполнении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 октября 1956 г. о приобщении к труду цыган, занимающихся бродяжничеством». В нем отмечалось, что все семьи цыган в республике приняли оседлый образ жизни. 77,4 % трудоспособных работали на промышленных предприятиях и в совхозах. Большинство семей обеспечены коммунальными квартирами и комнатами, а 24 семьи приобрели или построили дома на правах личной собственности. Дети школьного возраста посещали общеобразовательные школы. Из 170 семей 22 имели телевизор и 83 – радиоприемники и радиоточки, 58 семей – огороды и 20 семей – скот.

Однако в вопросах трудоустройства цыган и создания для них необходимых жилищных и культурно-бытовых условий имелись серьезные недостатки. Многие семьи жили в очень плохих жилищных условиях, в списанных домах, бараках, вагонах и других, не пригодных для жилья помещениях, пять семей вообще не имели квартир и жили у родственников. Большинство цыган трудились чернорабочими, многие из них имели низкие заработки. Отсутствие надлежащих жилищных условий приводило к частым переездам цыган из одного района в другой. В 1964 г. переехало 40 семей цыган, продолжали иметь место факты попрошайничества. Из 346 цыган старше 16 лет грамотных было только 136, или 39 %. Однако Министерство просвещения и исполкомы райгорсоветов не организовывали работу по ликвидации неграмотности среди этой части населения. Из 218 детей цыган дошкольного возраста только 32 были определены в детские сады и ясли (НА РК. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 962. Л. 57–60).

В 1966 г. в спецприемник Министерства охраны общественного порядка республики поступили 612 чел., из них задержано за бродяжничество – 535, за попрошайничество – 2, женщин легкого поведения – 75. При этом только половина задержанных (279 чел.) являлись жителями Карелии, почти половина (260 чел.) были ранее судимы. Подавляющее большинство поступивших в спецприемник составляли трудоспособные, но не работавшие мужчины – 458 чел. (75 %). Из числа задержанных арестованы и привлечены к уголовной ответственности 66 чел., трудоустроены в Карелии – 330 чел., направлены для трудоустройства в другие области – 124, в дома инвалидов – 7, в больницы – 20. В местах выселения к началу 1967 г. содержалось 40 чел. (АМВД РК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 535. Л. 23–24).

Таким образом, масштабы борьбы с туеядцами в республике оказались не столь значительными, как в крупных городах страны. Среди задержанных за бродяжничество существенную долю составляли выходцы из других регионов страны, что объяснялось высо-

кой миграцией населения республики. За 1960-е гг. в республику прибыли на постоянное место жительства более 30 тыс. чел., отбывавших наказание в местах лишения свободы. Кроме того, на строительстве объектов народного хозяйства работало значительное число лиц, условно освобожденных из заключения (НА РК. Ф. П-3. Оп. 22. Д. 55. Л. 32–33).

Задачи перевоспитания граждан, занимавшихся бродяжничеством и не участвовавших в общественно полезном труде, часто решались властями формально в силу как объективных, так и субъективных причин. Вопросы трудоустройства осложнялись нежеланием руководства предприятий принимать на работу инвалидов и престарелых, ненадлежащими условиями их работы, отсутствием возможностей для домашнего труда, бытовой неустроенностью. Для размещения лиц, которые не могли трудиться, не доставало домов инвалидов, а в имевшихся учреждениях были серьезные недостатки в части материально-бытового и медицинского обслуживания.

Проблема перевоспитания и социальной адаптации так называемых тунеядцев в 1950–1960-е гг. не была решена, хотя и были предприняты определенные шаги в этом направлении. В апреле 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял закон «О занятости населения в Российской Федерации», который по существу отменил действие указа об усилении борьбы с тунеядством. В ст. 1 закона говорится: «Незанятость граждан не может служить основанием для их привлечения к административной и иной ответственности» [9].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зубкова Е. Ю. С протянутой рукой. Нищие и нищенство в послевоенном СССР // *Charies du monde russe*. 2008. Т. 49, № 2–3. С. 441–474.
2. Зубкова Е. Ю. На «краю» советского общества. Маргинальные группы населения и государственная политика. 1940–1960-е гг. // *Российская история*. 2009. № 5. С. 101–118.
3. Зубкова Е. Ю. На «задворках» советской повседневности. Особенности государственной политики по отношению к социальным аномалиям и девиантным группам населения (1945 – середина 1960-х годов) // *Россия и современный мир*. 2010. № 2 (67). С. 138–156.
4. Зубкова Е. Ю. «Бедные» и «чужие»: нормы и практики борьбы с нищенством в Советском Союзе. 1940–1960-е годы // *Труды Института российской истории РАН*. 2013. № 11. С. 285–310.
5. Зубкова Е. Ю. «Лишние люди». Проблема нищенства в советском общественном дискурсе 1945–1956 гг. // *Наука, культура, менталитет России нового и новейшего времени. К 80-летию со дня рождения Владимира Дмитриевича Есакова*. М., 2014. С. 257–281.
6. Крушанова Л. А. Закон о «тунеядцах» 1961 г. и его реализация на Дальнем Востоке // *Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи*. Владивосток, 2014. С. 122–128.
7. Ластовка Т. Тунеядство в СССР (1961–1991): юридическая теория и социальная практика // *Антропологический форум*. 2011. № 14. С. 212–229.
8. Мамяченков В. Н. Борьба органов правопорядка с «антиобщественными, паразитическими элементами» в начале 1950-х годов (на материалах Свердловской области) // *Научный диалог*. 2016. № 8 (56). С. 157–170.
9. Фицпатрик Ш. «Паразиты общества»: как бродяги, молодые бездельники и частные предприниматели мешали коммунизму в СССР // *Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985* / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М., 2008. С. 219–254.
10. Хронова И. А., Хлабыстова Н. В. Особенности отношения власти и народа к социокультурному феномену «тунеядство» в различные исторические периоды // *Социология и право*. 2018. № 1. С. 57–69.
11. Андриюхин Е. А. Предпринимательская деятельность советских граждан в 60–80-х гг. XX в. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2010. № 4-1. С. 19–23.
12. Андриюхин Е. А. Неофициальное предпринимательство в СССР в 60–80-х гг. XX в. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2010. № 4-2. С. 9–12.
13. Богданов С. В. Попытки Н. С. Хрущева активизировать борьбу с экономической преступностью в СССР // *Вестник архивиста*. 2012. № 3. С. 206–217.
14. На «краю» советского общества. Социальные маргиналы как объект государственной политики. 1945–1960-е гг. / сост.: Е. Ю. Зубкова, Т. Ю. Жукова. М., 2010. 815 с.

15. Беркутов А. С., Кравченко Е. В. Борьба с бродяжничеством в СССР в 1950–1960-е годы // *Философия права*. 2016. № 2 (75). С. 104–111.
16. Доклад МВД СССР в Президиум ЦК КПСС о мерах по предупреждению и ликвидации нищенства от 20.02.1954. URL: <https://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-dos/1007415> (дата обращения: 11.10.2023).
17. Закон РСФСР от 19 апреля 1991 г. «О занятости населения в Российской Федерации». URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Закон_РСФСР_от_19.04.1991_№_1032-1 (дата обращения: 11.10.2023).

REFERENCES

1. Zubkova E.Yu. With outstretched hand. Beggars and beggary in the post-war USSR. *Charies du monde russe*, 2008, vol. 49, no. 2–3, pp. 441–474. (In Russ.).
2. Zubkova E.Yu. On the “edge” of Soviet society. Marginal groups of the population and public policy. 1940–1960-ies. *Rossiiskaya istoriya = Russian History*, 2009, no. 5, pp. 101–118. (In Russ.).
3. Zubkova E.Yu. On the “backyards” of Soviet everyday life. Specifics of state policy in relation to social anomalies and deviant groups of the population (1945 – mid-1960s). *Rossiya i sovremennyy mir = Russia and the Modern World*, 2010, no. 2 (67), pp. 138–156. (In Russ.).
4. Zubkova E.Yu. “The poor” and “strangers”: norms and practices of combating poverty in the Soviet Union. 1940–1960-ies. *Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN = Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Science*, 2013, no. 11, pp. 285–310. (In Russ.).
5. Zubkova E.Yu. “Superfluous people”. Problem of begging in Soviet public discourse. 1945–1956. In: *Nauka, kul'tura, mentalitet Rossii novogo i noveishego vremeni. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya Vladimira Dmitrievicha Esakova* [Science, culture, mentality of Russia of modern and contemporary times. To the 80th anniversary of the birth of Vladimir D. Yesakov]. Moscow, 2014. Pp. 257–281. (In Russ.).
6. Krushanova L.A. The law on “parasites” of 1961 and its implementation in the Far East. In: *Sovetskii Dal'nii Vostok v stalinskuyu i poststalinskuyu ehpokhi* [The Soviet Far East in the Stalinist and post-Stalinist eras]. Vladivostok, 2014. Pp. 122–128. (In Russ.).
7. Lastovka T. Refusal to work (sponging) in the Soviet Union 1961–1991: legal codification and social practice *Antropologicheskii forum = Forum for Anthropology and Culture*, 2011, no. 14, pp. 212–229. (In Russ.).
8. Mamyachenkov V.N. Law Enforcement Bodies Fighting against “Anti-Social, Parasitic Elements” in the Early 1950-ies (by Example of Sverdlovsk Region). *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*, 2016, no. 8 (56), pp. 157–170. (In Russ.).
9. Fitzpatrick S. “Parasites of society”: how vagabonds, young businessmen and private entrepreneurs interfered with communism in the USSR. In: *Sovetskaya sotsial'naya politika: stseny i deistvuyushchie litsa, 1940–1985* [Soviet social policy: scenes and actors, 1940–1985]. Ed. by Yarskaya-Smirnova E.R., Romanov. P.V. Moscow, 2008. Pp. 219–254. (In Russ.).
10. Khronova I.A., Khlabytova N.V. Attitudes of government and people to the sociocultural phenomenon of “parasitism” in different historical periods. *Sotsiologiya i pravo = Sociology and Law*, 2018, no. 1, pp. 57–69. (In Russ.).
11. Andryukhin E.A. Soviet citizens entrepreneurship in the 60s of the XXth century. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya of Altai State University*, 2010, no. 4–1, pp. 19–23. (In Russ.).
12. Andryukhin E.A. Private entrepreneurship in the USSR in the 60–80s of the XXth century. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya of Altai State University*, 2010, no. 4–2, pp. 9–12. (In Russ.).
13. Bogdanov S.V. Popytki N.S. Unrealized plans of N.S. Khrushchev to intensify the fight against economic crime in the USSR. *Vestnik arkhivista = Herald of an Archivist*, 2012, no. 3, pp. 206–217. (In Russ.).
14. *Na “krayu” sovetskogo obshchestva. Sotsial'nye marginaly kak ob"ekt gosudarstvennoi politiki. 1945–1960-e gg.* [On the “edge” of Soviet society. Social marginals as an object of state policy. 1945–1960-ies]. Comp. by Zubkova E.Yu., Zhukova T.Yu. Moscow, 2010. 815 p.
15. Berkutov A.S., Kravchenko E.V. Fighting with vagrancy in the USSR during the 1950s–1960s. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2016, no. 2 (75), pp. 104–111. (In Russ.).
16. *Doklad MVD SSSR v Prezidium TSK KPSS o merakh po preduprezhdeniyu i likvidatsii nishchenstva ot 20.02.1954* [Report of the Ministry of Internal Affairs of the USSR to the Presidium

of the Central Committee of the CPSU on measures to prevent and eliminate begging of February 20, 1954]. Available at: <https://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1007415> (accessed October 11, 2023).

17. *Zakon RSFSR ot 19 aprelya 1991 g. "O zanyatosti naseleniya v Ros-siiskoi Federatsii"* [The Law of the RSFSR of April 19, 1991 "On Employment in the Russian Federation"]. Available at: https://ru.wikisource.org/wiki/Zakon_RSFSR_ot_19.04.1991_No_1032-1 (accessed October 11, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА ВАВУЛИНСКАЯ – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук, Петрозаводск, Россия, ludvav@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

LYUDMILA I. VAVULINSKAYA – Candidate of Sciences (History), Senior Researcher at the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia, ludvav@mail.ru

Статья поступила 27.10.2023

Научная статья

УДК 32.019.51

doi 10.46741/sgjournal.2023.11.4.006

Влияние видеоигр на формирование исторической памяти о Великой Отечественной войне (на примере обучающихся Вологодского института права и экономики ФСИН России)

ДМИТРИЙ ЮРЬЕВИЧ ВОЛКОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, hartman1@yandex.ru

АЛЕКСАНДР ОЛЕГОВИЧ ПАНОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, sasha.panoff2014@yandex.ru

Аннотация. Сегодня видеоигры все чаще становятся источником исторической информации для молодого поколения: с одной стороны, это удобный способ донесения важных сведений, с другой – они зачастую далеки от действительности, а в отдельных случаях носят явные признаки фальсификации и манипуляции. Цель статьи – рассмотреть данную проблему на примере видеоигр, посвященных Великой Отечественной войне как одному из наиболее значимых событий в мировой истории. Для эмпирического обоснования выводов по исследованию было проведено анкетирование студентов и курсантов Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний. Полученные результаты позволяют сделать вывод о необходимости организации обсуждений, проведения разъяснительной работы с обучающимися на предмет содержания компьютерных игр с целью формирования критического мышления и недопущения искаженного восприятия исторической информации.

Ключевые слова: формирование исторической памяти; формирование критического мышления; фальсификация истории; манипуляция сознанием; видеоигра.

5.6.1. Отечественная история.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Волков Д. Ю., Панов А. О. Влияние видеоигр на формирование исторической памяти о Великой Отечественной войне (на примере обучающихся Вологодского института права и экономики ФСИН России) // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2023. № 4 (11). С. 45–51. doi 10.46741/sgjournal.2023.11.4.006.

Original article

Impact of Video Games on the Formation of Historical Memory of the Great Patriotic War (Case Study of Students of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service)

DMITRII Yu. VOLKOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, hartman1@yandex.ru

ALEKSANDR O. PANOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, sasha.panoff2014@yandex.ru

Abstract. Today, video games are increasingly becoming a source of historical information for the younger generation: on the one hand, it is a convenient way to disseminate important information, on the other, they are often far from reality, and in some cases have obvious signs of falsification and manipulation. The purpose of the article is to consider this problem using the example of video games dedicated to the Great Patriotic War as one of the most significant events in world history. To empirically substantiate conclusions of the study, we conducted a survey among students and cadets of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service. The results obtained allow us to conclude that it is necessary to organize discussions, conduct explanatory work with students on the content of computer games in order to form critical thinking and prevent distorted perception of historical information.

Key words: formation of historical memory; formation of critical thinking; falsification of history; mind control; video game.

5.6.1. Domestic history.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Volkov D.Yu., Panov A.O. Impact of video games on the formation of historical memory of the Great Patriotic War (case study of students of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service). *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2023, no. 4 (11), pp. 45–51. doi 10.46741/sjournal.2023.11.4.006.

9 мая 2023 г. наша страна отметила 78-ю годовщину Победы Красной армии и советского народа над нацистской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. К сожалению, наступает предсказуемый момент, когда счет ветеранов – участников войны, тружеников тыла идет на сотни. Период, когда ветераны выступали перед учащимися учебных заведений, остался в прошлом, как и истории, рассказываемые в семьях. Сменилось несколько поколений, последние из которых получают знания о войне лишь из немногочисленных уроков истории в школе, зачастую вынужденных просмотров художественных и документальных фильмов, в редких случаях из книг и все чаще – из Интернета. Семейные воспоминания, как правило, редки и приурочены к единственному празднику в году – Дню Победы.

Тем не менее мы можем назвать условно информационный ресурс, который так или иначе формирует историческую память и сознание подрастающих поколений на систематической основе – это видеоигры [1, с. 207–206]. Об этом в своих исследованиях пишет

С. Н. Федорченко, указывая, что для современных подростков видеоигры становятся источниками информации, дающими представлениями о мире, взамен литературы, истории и т. д. [2, с. 69].

Стоит отметить, что практически не встречаются научные позиции, которые однозначно бы говорили об исключительно отрицательной или положительной роли видеоигр в формировании личности.

Так, например, М. А. Лаврухина и Е. В. Сломинская, анализируя значение видеоигр, указывают, что они способствуют развитию фантазии и творческого воображения, но в то же время зачастую мешают учебно-познавательной деятельности [3, с. 80–81].

В свою очередь, О. А. Степанова [4], С. А. Шмаков [5], Д. Б. Эльконин [6] в исследованиях смещают акцент именно на учебно-познавательную деятельность и потенциально положительную роль специально разработанных видеоигр в образовательном процессе.

При всем этом стоит отметить, что никто из перечисленных авторов не отрицает факт того, что компьютерные игры не ограничиваются развлекательной составляющей и почти всегда несут в себе определенную идеологическую повестку. Существует даже отдельная междисциплинарная область исследований, изучающая компьютерные игры через призму политологии, – Computer Games Studies [2, с. 71].

Действительно, компьютерные игры становятся одним из самых распространенных и доступных способов воздействия на широкие слои населения, в первую очередь на менее защищенные, которые легче всего подвержены сторонним манипуляциям, – детей и подростков [7, с. 106].

О широкой распространенности игр могут свидетельствовать следующие цифры: за период с 2003 по 2016 г. только игры из серии «Call of Duty» разошлись тиражом свыше 250 млн экземпляров [8, с. 56], а ведь это только цифры продаж из официальных источников, не касающиеся хорошо известных пиратских сервисов, где игры распространяются бесплатно.

Показательными являются и цифры одного из наиболее популярных игровых онлайн-сервисов «Steam». Так, например, за период с 7 по 10 апреля 2023 г. пиковое значение одновременно находящихся в сервисе игроков составило более 32 млн пользователей [9]. Для сравнения источников информации: по данным Вологодской универсальной научной библиотеки им. И. В. Бабушкина, экземпляры романа «Горячий снег» Юрия Бондарева, находящиеся в наличии, за период с 2020 по 2023 г. выдавались читателям 23 раза.

Результаты анкетирования, проведенного среди 70 обучающихся Вологодского института права и экономики ФСИН России, продемонстрировали, что более 67 % опрошенных (44 чел.) играют в видеоигры, 50 % (35 чел.) из всех игр отдают предпочтение играм, посвященным периоду Великой Отечественной войны (Второй мировой войны). При этом в игровом пространстве более 21 ч в неделю проводят 4,3 % (3 чел.) опрошенных, от 14 до 21 ч – 5,7 % (4 чел.), от 7 до 14 ч – 44,3 % (31 чел.) опрошенных, остальные – менее 7 ч.

Показательным является и тот факт, что 25,3 % (17 чел.) ответили, что видеоигры являются для них источником информации о Великой Отечественной войне, то есть они доверяют информации напрямую. Остальные участники анкетирования, хоть и ответили отрицательно, тем не менее впитывают сведения на подсознательном уровне при отсутствии должного критического мышления.

Таким образом, мы соглашаемся с тезисом о значительном влиянии видеоигр на формирование личности играющего. Игры становятся способом донесения определенных идей, научной или псевдонаучной информации, выступают в качестве подмены исторических источников [10, с. 137].

Так, С. Н. Федорченко, ссылаясь в своем исследовании на А. Чепмена, говорит о том, что «компьютерные игры на историческую тематику можно рассматривать как часть пост-памяти, позволяющей следующему (или более позднему) поколению переживать травми-

рующие события страны, которые произошли до его рождения...» [11, с. 78], что во многом и объясняет популярность игр на историческую тематику. Для многих они выступают способом прикоснуться к части чего-то великого, связанного с историческим прошлым своей страны, и именно в этот момент мы в большинстве случаев сталкиваемся с неприглядной и открытой фальсификацией исторического прошлого. Как правило, такие видеоигры выпускаются в странах Запада. Рассмотрим некоторые из них.

Наиболее популярными в игровом сообществе видеоиграми, выпущенными в США, Канаде и Европе на тему Второй мировой войны (и во многом Великой Отечественной войны), являются серии: Call of Duty Company of Heroes, Hearts of Iron, Battlefield, Sniper Elite, а также отдельные одиночные проекты.

Наиболее популярная серия зарубежных игр – шутер Call of Duty (более 100 млн копий) – неоднократно затрагивала тематику Второй мировой войны. Ее известность подтверждается и результатами анкетирования: 65,7 % (46 чел.) знают об этой серии или играли в нее. Большая часть игр из данной серии посвящены сражениям Второй мировой войны (частично Великой Отечественной войны).

Уже в первой части игры (2003 г.) мы столкнулись с огромным количеством мифологем, заложенных в западной и, к сожалению, частично отечественной историографии. В игровой кампании Сталинградской битвы мы сталкиваемся с комиссарами, заградотрядами НКВД, одной винтовкой на троих и заваливанием вражеских окопов телами красноармейцев. В диалогах персонажей-красноармейцев звучат негативные отзывы о командирах, которые «трупам солдат хотят скорее взять Берлин, чтобы в последующем насладиться благами западной цивилизации». Во многих игровых эпизодах прослеживается явное заимствование из не выдерживающего объективной исторической критики зарубежного фильма «Враг у ворот» (2001 г.).

В игре «Sniper Elite V2» (2012 г.), также посвященной событиям Второй мировой войны (с ней знакомы 25,7 % опрошенных (18 чел.)), участнику предстоит стать снайпером союзных войск в Берлине 1945 г., где в какой-то момент он начинает воевать с военнослужащими Красной армии, которые планируют нанести удар захваченными ФАУ-2 по Великобритании.

Следующая игра, которая наделала много шума в отечественном игровом сообществе, – стратегия в реальном времени Company of Heroes 2 (2013 г.). С ней знакомы 10 % опрошенных (7 чел.). Повествование в стратегии ведется от лица репрессированного советского офицера из исправительного учреждения ГУЛАГа. По сюжету играющий участвует в сожжении красноармейцами русских деревень с мирными жителями, уничтожении мостов перед отступающими войсками, массовых расстрелах красноармейцев войсками НКВД (заградотрядами), штрафными батальонами т. д. Большая часть солдат и офицеров Красной армии представлены трусами и моральными уродами. Поступки объясняются военной необходимостью, случайностями и принципом «война все спишет», победа достигается «не благодаря, а вопреки». Вся игра представляет собой концентрированную смесь самых негативных и давно развенчанных мифов. При этом стоит подчеркнуть, что развенчанными они являются для людей, которые хотя бы как-то разбираются в истории Великой Отечественной войны. Для лиц, чья точка зрения формировалась на основе просмотра и прочтения ревизионистских источников, игра лишь послужит дополнением к ранее известным фактам.

Кроме того, следует предположить, что западной игровой аудиторией, далекой от объективной точки зрения на историю, такие игры зачастую рассматриваются как достоверный источник информации.

Следующая игра, посвященная Второй мировой войне, вышла в 2018 г. это Battlefield V, и с ней знакомы уже 40 % опрошенных (28 чел.). Данная игра примечательна не только отсутствием военной кампании за Советский Союз, который принял на себя основную удар войны, но и смещением акцентов. В частности, в данной игре участнику пред-

стоит управлять норвежским партизаном, сенегальцем, воюющим во французской армии, грабителем банков, насильно призванным в ряды английской армии, но даже не это является самым поразительным. После заставки рассказывается о том, что «война пришла и в наш дом, бомбардировкам подвергаются наши дома, школы и предприятия», и игрок начинает играть за летчика Люфтваффе (военно-воздушные силы Третьего рейха), сбивающего английский бомбардировщик. То есть мы можем наблюдать совершенную подмену понятий, где главный агрессор становится жертвой конфликта. Кроме того, при отсутствии, как уже говорилось ранее, кампании за Красную армию, в игре есть сюжетная линия, где игроку предстоит играть за военнослужащего Панцерваффе (танковые войска Третьего рейха) во время Рурской операции 1945 г. В данной сюжетной линии авторы смещают акцент на ужасы тоталитарного режима и необходимость сражаться за свою родину, так как главный герой является офицером, выполняющим свой воинский долг. Причины, по которым война пришла на территорию Германии, авторами игры умалчиваются.

Необходимо отдельно отметить, что еще до выхода Battlefield V продюсер игры на вопрос о кампании за Советский Союз ответил, что ее не стали включать в игру, так как ее сложно причислить к какой-либо фракции, в силу того что СССР по ходу войны менял стороны конфликта. Тут сложно что-либо комментировать, и самым ужасным представляется то, что это не просто целенаправленная фальсификация истории, а ее конкретный результат – западные обыватели представляют роль СССР в войне именно таким образом, что становится допустимым за счет многомиллионных тиражей аналогичных видеоигр.

Отметим, что перед нами не стояла цель анализа всего ряда видеоигр, посвященных данному периоду, – их слишком много. Определенно есть игры, которые стремятся к достоверности и объективности, но не всегда они являются популярными. Рассмотренные игры знакомы многочисленным пользователям, относительно популярны у анкетированных, что можно объяснить их возрастной категорией.

В целом, давая ретроспективный анализ видеоигр данного типа, следует отметить, что их разработчики прошли путь от целенаправленного создания негативного образа советских воинов до полного вымарывания тории одного из самых значительных событий из истории современного человечества.

К схожему выводу приходят С. И. Белов и А. А. Кретьева, говоря о формировании отрицательного образа Красной армии на основе определенных стереотипов западной культуры [8, с. 57].

При этом с сожалением следует констатировать, что отечественные видеоигры и игры, разработанные в странах СНГ (например, серия игр «В тылу врага», «Блицкриг», «Партизаны 1941», «Смерть шпионам», «ИЛ-2: Штурмовик», «Enlisted» и т. д.), практически не представлены в международном игровом пространстве или являются многопользовательскими (то есть в них отсутствует сюжетная линия). Тем самым не осуществляется пропагандистская работа по распространению необходимых идей среди представителей мирового сообщества геймеров.

Стоит отметить, что лишь 30 % опрошенных (21 чел.) отметили, что сталкивались с фальсификацией в данной группе исторических игр, а 40 % (28 чел.) указали на то, что встречались в видеоиграх с проявлениями националистических идей (в игровых чатах, аватарках, никах и т. д.). При этом показательным является ответ на вопрос о необходимости проведения разъяснительной, просветительской работы в школах и вузах о содержании видеоигр: 51,4 % (36 чел.) ответили утвердительно.

Таким образом, можно сделать следующие выводы и дать рекомендации:

1. На государственном уровне необходимо определить стратегию работы с видеоигровым контентом: строгий контроль за возрастным цензом, цензура игр (изменение или удаление негативных сюжетов) вплоть до запрета на их распространение, разработка конкретных игр для внутреннего и зарубежного рынка.

2. В учебных заведениях в рамках воспитательно-просветительной работы необходимо осуществление разъяснительной деятельности с обучающимися по недопущению фальсификации истории, манипуляций логикой и сознанием в видеоиграх.

Такая работа будет способствовать установлению более доверительных отношений между педагогами и обучающимися за счет общности интересов, усвоению отечественной истории в простой и доступной форме, формированию критического мышления и защитных механизмов в ответ на сторонние манипуляции и т. д.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Артамонов Д. С., Тихонова С. В. Историхакинг: компьютерные игры как инструмент конструирования представлений о прошлом // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме : труды III Всерос. науч. конф. (Нижний Новгород, 26–28 ноября 2021 г.). М., 2021. С. 206–210.
2. Федорченко С. Н. Computer Game Studies как новая область политологии // Обозреватель. 2018. № 9 (344). С. 70–85.
3. Лаврухина М. А., Сломинская Е. В. Средства наглядности, используемые в компьютерных играх как способ стимулирования интереса к изучению истории // Человек, общество и культура в XXI веке : сб. науч. тр. / под общ. ред. Е. П. Ткачевой. Белгород, 2017. Ч. V. С. 80–83.
4. Степанова О. А., Вайнер М. Э., Чутко Н. Я. Методика игры с коррекционно-развивающими технологиями : учеб. пособие для студентов учреждений сред. проф. образования, обучающихся по специальностям 0312 – Преподавание в начальных классах, 0320 – Коррекционная педагогика в начальном образовании / под ред. Г. Ф. Кумариной. М., 2003. 270 с.
5. Шмаков С. А. Игры учащихся – феномен культуры. М., 1994. 238 с.
6. Эльконин Д. Б. Психология игры. 2-е изд. М., 1999. 358 с.
7. Зарецкая О. В. Зависимость от компьютерных онлайн-игр как разновидность аддиктивного поведения // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7, № 3. С. 105–120.
8. Белов С. И., Кретова А. А. Компьютерные игры как ресурс реализации политики памяти: практический опыт и скрытые возможности (на материалах позиционирования событий Великой Отечественной войны) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 54–63.
9. Чарты Steam, количество игроков в сети // Онлайн-сервис цифрового распространения компьютерных игр и программ : офиц. сайт. URL: <https://store.steampowered.com/charts?l=russian> (дата обращения: 10.04.2023).
10. Иванов А. Г. Компьютерные игры в обучении истории // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 3 (59). С. 134–138.
11. Сетевые компьютерные игры в эпоху цифровизации: новые угрозы или потенциалы для реализации политики памяти? / С. Н. Федорченко, Д. О. Тедиков, К. В. Теслюк, Р. А. Маркарян // Вестник Московского государственного областного университета. 2019. № 3. С. 67–86.

REFERENCES

1. Artamonov D.S., Tikhonova S.V. Historical hacking: computer games as a tool for constructing ideas about the past. In: *Revolutsiya i evolyutsiya: modeli razvitiya v nauke, kul'ture, sotsiume: trudy III Vseros. nauch. konf.* (Nizhnii Novgorod, 26–28 noyabrya 2021 g.) [Revolution and evolution: models of development in science, culture, society: proceedings of the 3d All-Russian scientific conference. (Nizhny Novgorod, November 26–28, 2021)]. Moscow, 2021. Pp. 206–210. (In Russ.).
2. Fedorchenko S.N. Computer game studies as a new field of political science. *Obozrevatel' = Observer*, 2018, no. 9 (344), pp. 70–85. (In Russ.).
3. Lavrukhnina M.A., Slominskaya E.V. Means of visualization used in computer games as a way to stimulate interest in the study of history. In: Tkachevaya E.P. (Ed.). *Chelovek, obshchestvo i kul'tura v XXI veke: sb. nauch. tr.* Ch. V. [Man, society and culture in the 21st century: collection of scientific works. Part 4]. Belgorod, 2017. Pp. 80–83. (In Russ.).

4. Stepanova O.A., Vainer M.E., Chutko N.Ya. *Metodika igry s korrektsionno-razvivayushchimi tekhnologiyami: ucheb. posobie dlya studentov uchrezhdenii sred. prof. obrazovaniya* [Methodology of games with correctional and developmental technologies: textbook for students of secondary vocational institutions]. Ed. by Kumarina G.F. Moscow, 2003. 270 p.
5. Shmakov S.A. *Igry uchashchikhsya – fenomen kul'tury* [Student games – a phenomenon of culture]. Moscow, 1994. 238 s.
6. El'konin D.B. *Psikhologiya igry* [Game psychology]. Moscow, 1999. 358 p.
7. Zaretskaya O.V. Dependence on online computer games as a type of addictive behavior. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2016, vol. 7, no. 3, pp. 105–120. (In Russ.).
8. Belov S.I., Kretova A.A. Computer games as a resource of the politics of memory: practical experience and hidden opportunities (based on games representing World War II events). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 54–63. (In Russ.).
9. Steam charts, the number of players on the network. *Onlain-servis tsifrovogo rasprostraneniya komp'yuternykh igr i program: ofits. sait* [Online digital distribution service for computer games and programs: official website]. Available at: <https://store.steampowered.com/charts?l=russian> (accessed April 10, 2023).
10. Ivanov A.G. Computer games in teaching history. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, 2019, no. 3 (59), pp. 134–138. (In Russ.).
11. Fedorchenko S.N., Tedikov D.O., Teslyuk K.V., Markaryan R.A. Network computer games in the epoch of digitalization: new threats or potentials for implementing memory policy? *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta = Bulletin of Moscow Region State University*, 2019, no. 3, pp. 67–86. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ДМИТРИЙ ЮРЬЕВИЧ ВОЛКОВ – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, hartman1@yandex.ru

АЛЕКСАНДР ОЛЕГОВИЧ ПАНОВ – магистрант 1 курса факультета психологии и права Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, sasha.panoff2014@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

DMITRII Yu. VOLKOV – Candidate of Sciences (Law), associate professor at the Department of Criminal Procedure, Criminology and Operational Investigative Activities of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, hartman1@yandex.ru

ALEKSANDR O. PANOV – 1st year undergraduate student at the Faculty of Psychology and Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia, sasha.panoff2014@yandex.ru

Статья поступила 28.09.2023

Научная статья

УДК 93.36.172

doi 10.46741/sgjournal.2023.11.4.007

Реформы Александра II и их влияние на моральный облик общества

АЛЕКСЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ ПАНИЩЕВ

Курский институт менеджмента, экономики и бизнеса, Курск, Россия

Славяно-Греко-Латинская Академия, Москва, Россия

Alexeipl1980@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4327-1225>

Аннотация. В статье проведен анализ реформ правительства Александра II. Акцент сделан на их этических и духовных последствиях. Отмечается, что результаты деятельности Александра II выглядели позитивно лишь по документальной отчетности, но при этом они спровоцировали нравственный надлом в обществе, дискредитировали саму государственную власть в сознании народа. Традиционно основой Российского государства выступала православная церковь, однако, будучи частью государственной системы, она сама оказалась в трудном положении и не могла комплексно и эффективно решать свои задачи. В конечном итоге все это породило социальные движения, которые впоследствии привели к заговору против царя Николая II и февральской буржуазной революции в 1917 г.

Ключевые слова: реформы Александра II; нравственное сознание; Церковь; государство.

5.6.1. Отечественная история (исторические науки).

Для цитирования: Панищев А. Л. Реформы Александра II и их влияние на моральный облик общества // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2023. № 4 (11). С. 52–61. doi 10.46741/sgjournal.2023.11.4.007.

Original article

Reforms of Aleksandr II and Their Impact on the Moral Image of Society

ALEKSEI L. PANISHCHEV

Kursk Institute of Management, Economics and Business, Kursk, Russia

Slavic Greek Latin Academy, Moscow, Russia

Alexeipl1980@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4327-1225>

Abstract. The article analyzes reforms of the government of Aleksandr II. Their ethical and spiritual consequences are emphasized. It is noted that the reign of Aleksandr II was positively described only in documentary reports, but at the same time they provoked a moral breakdown in society, discredited the very state power in the minds of the people. Traditionally, the basis of the Russian state was the Orthodox Church, however, being

part of the state system, it found itself in a difficult position and could not comprehensively and effectively solve its tasks. In the end, all this gave rise to social movements, which subsequently led to a conspiracy against Tsar Nicholas II and the February Bourgeois Democratic Revolution in 1917.

Key words: reforms of Aleksandr II; moral consciousness; Church; state.

5.6.1. Domestic history (historical sciences).

For citation: Panishchev A.L. Reforms of Aleksandr II and their impact on the moral image of society. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2023, no. 4 (11), pp. 52–61. doi 10.46741/sgjournal.2023.11.4.007.

При анализе правления Николая II как последнего представителя монархической династии в России обычно делают акцент на времени его царствования без учета того наследия, которое ему досталось от предшественников. Между тем именно оно стало основой для революций в России. Целью данной работы является анализ особенностей и результатов реформ Александра II, послуживших предпосылками для кризиса и последующего крушения династии Романовых. Акцент в статье сделан на моральном облике общества, степень развития которого отражала соответствие между официально провозглашаемыми христианскими принципами и социально-правовой действительностью. Моральный облик общества представляет собой комплекс принципов, норм, которые в социуме считаются ценными, правильными и детерминирующими поведение людей. Эти нормы поощряются со стороны государственной власти и культивируются в системе образования. Если провозглашаемые этические принципы кардинально расходятся с социально-правовыми реалиями, то уместно констатировать кризис нравственного сознания.

Характеризуя правление Николая II, необходимо учитывать то, что социально-экономические и политические реалии Российской империи начала XX в. детерминированы теми масштабными и комплексными преобразованиями, которые проводились под управлением императора Александра II. В определенном смысле Николай II оказался неким заложником системы, во многом порожденной Александром II. В 1860–1870-е гг. было определено основное направление, в котором происходило развитие страны. Реформирование России в этот период оказалось настолько значительным, что сильнейшим образом отразилось на нравственном сознании российского общества.

Реформы, проводимые императором Александром II, традиционно оцениваются положительно, однако есть мнение, согласно которому именно их результаты поставили русский народ в такие условия, что Россия оказалась на прямом пути к революциям, произошедшим в 1917 г. Стало быть, не все так однозначно с реформами императора Александра II. Разумеется, крепостное право в XVIII–XIX вв. стало очевидным злом, препятствовавшим развитию страны. Уже в XVIII в. необходимо было преодолеть феодальную формацию как устаревшую форму организации социально-правовых отношений. О кризисе крепостничества пишет В. А. Федоров, подчеркивая, что «наиболее дальновидные помещики осознавали преимущества вольнонаемного труда перед крепостным» [1, с. 6]. Неэффективность крепостничества в России с середины XIX столетия признавалась обществом в целом.

Очевидно, что отмена крепостного права была необходима, однако вопрос состоит в том, каким образом его отменили в России. Неслучайно, что в период с 1855 по 1861 г. в России произошло много крестьянских восстаний. Их количество в разных исследованиях различается, что вполне объяснимо, так как не всегда ясно, по каким критериям выступление или открытый протест крестьян можно называть восстанием. «За пять лет до отмены крепостного права число крестьянских волнений составило, по разным данным, от 474 до 926» [2, с. 259]. В. А. Федоров пишет: «За 1857 год властями было зафиксировано 192 крестьян-

ских выступления... за 1858 год... – уже 528 таких случаев» [1, с. 12]. Далее В. А. Федоров пишет о 1849 массовых крестьянских волнениях за неполный 1861 г. [1, с. 27]. Встречается цифра и меньше – 1200 [3, с. 558]. Однако дело не в цифрах – суть состоит в том, что реформа 1861 г. крестьянами была воспринята в качестве очередной попытки власти их ограбить. Английский историк Д. Мун, называя революции в России начала XX в. крестьянскими, считает, что именно неудачная реформа 1861 г. стала основной предпосылкой к ним. Крестьянские революции, как полагает Д. Мун, указывают на то, что государственная власть, упразднив крепостничество в 1861 г., не смогла заменить его жизнеспособным социально-экономическим порядком в сельских районах [4, с. 123].

Важно обратить внимание на то, что не было реальных попыток наладить диалог между властью и трудовым народом, основную часть которого составляло крестьянство. Людей, пытавшихся узнать особенности крестьянской реформы 1861 г., в результате которой их положение стало нищенским, попросту физически уничтожали. Это было время начала массовых сомнений в религиозности царя. После расстрела крестьян в селе Бездна на одном из кладбищ Казани студенты Казанской духовной академии провели панихиду, где называли погибших крестьян невинно убиенными. По случаю этой панихиды власть провела громкое расследование с допросами и студентов, и представителей руководства Академии. «После рассмотрения всех его обстоятельств и получения отзыва московского святителя Святейший Синод принял решение о ссылке священника Иоанна Яхонтова в Соловецкий монастырь, иеродиакона Мелетия (Якимова), ввиду хороших отзывов о нем, было решено отправить в посольский Спасо-Преображенский монастырь в Иркутске. Бакалавр А. П. Шапов был исключен из духовного звания» [5, с. 31–32]. Более того, была вероятность закрытия духовной академии. Подчеркнем, что речь идет не об участии студентов в политических акциях или работе оппозиционных партий, а о соответствующей культуре христианства, панихиде по убитым людям. Именно в 1861 г. впервые зафиксирован случай восстания крестьян под Красным флагом – это Кандиевское восстание, которое подавили силой [6].

Отмена крепостного права прошла настолько грабительски, что если ранее народ видел в царе своего радетеля и высокий этический образ, а пороки системы приписывал помещикам и министрам, то теперь государственная власть в лице царя показала свое вопиюще аморальное отношение к трудовому народу. Навязанные крестьянам кредиты предполагали выплату не только их самих, но и процентов, что в религиозном сознании вызывало недоумение, так как ростовщичество в христианской культуре осуждается.

Примечательно, что в России уже был опыт освобождения крепостных крестьян. «Освобождение крестьян в Прибалтике, совершившееся раньше, чем в остальной части страны, было осуществлено так, что вся земля осталась в руках немецких баронов-помещиков. Голод и эпидемии не покидали край...» [7, с. 158] Об отрицательных результатах отмены крепостничества в Эстонии пишет Н. А. Федоров: «Материальное положение эстонских крестьян в результате такого “освобождения” ухудшилось» [1, с. 13]. Иначе говоря, то, что освобождение крестьян без земли не решает проблему нищеты и технической отсталости русской деревни, было очевидным фактом еще в 1840-х гг. Однако реформа 1861 г. не сильно отличалась от тех перемен, которые прошли в Прибалтике в годы правления Николая I. Примечательно, что ограбленными посредством такой крестьянской реформы чувствовали себя не только крестьяне, но и дворяне, посчитавшие денежные компенсации за свои родовые владения сильно заниженными. Историк Н. А. Рожков усматривает в такой реформе изначальную основу для происхождения революций в России [8, с. 392]. По сути, Александр II такими реформами подорвал уважение к царю и государству в глазах всех социальных слоев.

Освобождение крестьянства вкупе с его массовым обнищанием закономерно привело к тому, что значительная его часть направилась в город, пополняя рабочий класс. Обшир-

ный рынок труда дал капиталистам соблазн спекулировать на дефиците рабочих мест в условиях большого количества соискателей. В результате вместо того, чтобы вкладывать финансы в развитие, расширение производства, увеличение рабочих мест, улучшение жилищных условий пролетариата, рабочим людям платили мизерную заработную плату и предоставляли такие условия проживания, которые не просто были унижительными, но нередко противоречили элементарным правилам санитарной безопасности. В итоге стали шириться те столичные кварталы, которые в литературе известны под названием «Петербург Достоевского», где грязь не только физическая, но и моральная вживается в быт людей. В музыкальной культуре суть трагедии трудовых людей нашла отражение в таких песнях того времени, как, например, «Белые туфельки», «Маруся отравилась». Сюжеты для них диктовались самой жизнью.

Нищета рабочих, злоупотребление со стороны капиталистов своей властью над трудовыми людьми препятствовали развитию нравственных качеств людей, более того, провоцировали аддиктивные формы поведения. Закономерно, что отношение пролетариата к государственной власти утратило прежнее благоговение и становилось недоверчивым и подчас агрессивным.

В другой части общества, бывшей в меньшинстве, но отличавшейся образованностью, проходили схожие процессы. Нельзя сказать, что интеллигенция от реформ обнищала или уронила свой социальный статус. Например, учителя, врачи, инженеры, агрономы стали более востребованы, их труд не всегда, но в целом в крупных городах относительно хорошо оплачивался. Однако важной чертой интеллигенции являлось стремление помочь своим ближним, иначе говоря, видя положение трудового неграмотного народа, ее представители не могли довольствоваться собственным благополучием, причем условным, поскольку плохо русскому человеку, если плохо кому-то другому. В. С. Соловьев справедливо отметил: «Бедность сама по себе не есть зло, так же, как и болезнь: зло – это оставаться безучастным к страданиям своего ближнего» [9, с. 237]. Стоит ли удивляться, что именно интеллигенция составила социальную базу для движения народолюбцев, которое достаточно быстро из просветительского стало террористическим. Люди, провозглашавшие высокие идеи человеколюбия, в таких общностях становились террористами, шедшими на убийство своих сограждан, в которых видели классовых врагов, душителями Отечества.

Примечательно, что трудовой народ, несмотря на тяжелые и унижительные условия своей жизни, в террористических группировках обычно никакого активного участия не принимал, считая это занятиями для других слоев населения по принципу «бары сами разберутся». Однако отношение к народолюбцам, как правило, было сочувственное. В образованной же части населения, преимущественно живущей в городах, террористов подчас приветствовали, тем более объектами для атак они выбирали не трудовых людей из народа, а тех чиновников и капиталистов, которые жили в роскоши и дискредитировали себя в глазах общества аморальными поступками. В начале XX в. людей, совершавших террористические атаки на крупных государственных чиновников, рассматривали не как преступников, а как героев, что нашло отражение в творчестве таких поэтов, как А. Блок, М. Мандельштам, З. Гиппиус, Д. Мережковский, М. Волошин [10, с. 49]. Уже сам факт того, что террористы значительной частью общества не осуждались, что общественное мнение в той или иной мере с ними соглашалось, указывает на кризисные явления, носящие нравственный и правовой характер. Между тем история учит тому, что нравственный регресс есть обязательное условие для крушения государства. Так, древнеримский историк Катон считал, что «упадок гражданского и политического сознания римлян, связанный с упадком нравственных устоев, приведет к крушению Рима» [11, с. 26]. Эти же слова можно применить и к России начала XX в., актуальны они и в XXI в.

Следует подчеркнуть, что терроризм, культивируемый членами организации «Народная воля», не исправил никаких пороков социально-политической системы, но во многом

посодействовал нравственному регрессу. Александр III после убийства Александра II лишь усилил репрессивный аппарат, начал резко ограничивать права и свободы подданных, при этом свои действия он морально оправдывал перед аристократической общественностью тем, что боролся с государственными преступниками, убийцами его отца. В число таких легко вписывались люди либеральных взглядов, никакого отношения к терроризму не имевшие. «Либерализм не есть грех; это необходимая составная часть целого, которое без него распадется или замертвеет...» [12, с. 14]. Действия террористов привели не к освобождению от несправедливости и чрезмерного гнета чиновников, а к подавлению либеральных и прогрессивных идей, консервированию системы, впоследствии свергнутой насильственным путем. Таким образом, терроризм, какими бы идеями справедливости и праведной мести он ни прикрывался, лишь усугубил кризис нравственного сознания.

Особенно важным являлось то, что политическая система стала стремительно терять моральный авторитет почти у всех слоев населения империи. Вместе с утратой доверия к государственной власти народ начал терять уважение и к своему государству, праву, которое обеспечивало ненавистному большинству населения порядок. Так, постепенно началась ломка нравственных ценностей, которые столетиями складывались в русском обществе и служили фундаментом для монархического правления. Государственная власть укрепляется в нации лишь тогда, когда ассоциируется со справедливостью. Например, в истории Испании, когда было множество «Испаний», власть кастильской короны укреплялась тем, что ее представители в XV в. регулярно перемещались по всей стране, являя всем народам Иберии пример справедливости и ответственности [13, с. 29]. После того, как в Испании власть потеряла смысл социальной справедливости, вся страна оказалась в затяжном кризисе, в результате которого были утрачены обширные заморские владения и статус мировой державы. В России в общественном сознании в конце XIX в. государственная власть фактически ассоциировалась с несправедливостью. Именно падение морального авторитета власти стало важнейшим условием для кризиса нравственного сознания в России начала XX в. О глубине нравственного и правового кризиса общества Российской империи свидетельствует интенсивная эмиграция из страны. Люди фактически бежали из России, где были не нужны или обречены на голодное существование. «Только в США в период 1901–1904 гг. эмигрировало из России в среднем 120 тысяч человек; в 1905–1908 годах – до 200 тысяч...» [14, с. 84]. О массовом отъезде людей из России в США также пишет современный исследователь А. Б. Широкоград, который подчеркивает, что даже после революции и гражданской войны эмиграция не была столь широкой, каковой являлась до 1914 г. [15, с. 189]. Такая эмиграция, сопряженная с большим риском, свидетельствует о том, что значительная часть населения России не видела своего счастливого будущего в родной стране, так что говорить о патриотизме населения в России начала XX в. можно лишь условно и избирательно.

Разумеется, реформы Александра II послужили определенным стимулом к комплексу других преобразований, например, в судебной и военной сферах. Качество юридического образования в России заметно выросло. Также новые реалии стали условием для развития в России философии права, сложились два его течения – естественное и позитивное право, что свидетельствует о новых правовых основаниях развития социальных отношений в обществе между людьми разных сословий [16, с. 5].

Философская мысль в русской культуре оказалась не на службе у царской власти, так как интеллектуальный анализ действительности обусловил более критическое отношение к монархии, хотя и в сдержанных тонах. Наконец, русская философия антропоцентрична, этикоцентрична. Ее сложно однозначно назвать гуманистичной в современном смысле, так как для большинства русских мыслителей значимость человека определялась мерой его сопричастности Богу, однако тема любви к людям была в ней особо значимой. Не находя любви к человеку со стороны государственной власти, философы не могли в последней видеть моральный авторитет.

Реформы судебной системы, городского управления, армии и флота в значительной мере были производными от крестьянской реформы, так что неудивительно, что они отличались таким же лицемерием, как и отмена крепостного права. По существу, авторитет сословного происхождения был заменен на финансовое состояние человека. Тем не менее сословность сохранялась в качестве составляющей жизни общества. Тут примечательно вспомнить обстоятельства получения чина гардемарина С. О. Макаровым. Это происходило как раз в период проведения военной реформы. С. О. Макаров оканчивал Морской корпус. Учился будущий адмирал отлично и имел положительные характеристики от преподавателей, адмиралов... Однако препятствием для дальнейшего повышения в гардемарина для Макарова стало его происхождение (сын боцмана). Когда же выяснилось, что на момент рождения С. О. Макарова его отец был уже произведен в офицеры, удалось убедить комиссию дать Степану Осиповичу чин гардемарина. «Родись он двумя годами раньше, то есть до получения его отцом офицерского чина, ему пришлось бы остаться в корпусе флотских штурманов или перейти на частную службу...» [17, с. 35]. Такого рода порядки подтверждают силу сословных пережитков в России, их негласное давление на жизнь населения страны. Многие права и свободы провозглашались лишь формально и дальше канцелярских документов не распространялись, тем более в трудовом народе, поскольку по причине массовой неграмотности редко кто мог знать о существовании таковых.

Одной из важнейших причин для усугубления кризиса нравственного сознания стало подчиненное положение Русской православной церкви (в то время Российской православной церкви), которая со времен Петра I управлялась светским органом власти – Священным Синодом. В русской философии тема отношений между церковью и государством рассматривалась достаточно активно, и философская мысль признавала приоритет церкви. Основную идею взаимоотношений церкви и государства можно выразить словами Ф. М. Достоевского: «По русскому же пониманию и упованию надо, чтобы не церковь перерождалась в государство, как высший тип в низший тип, а напротив, государство должно лишь кончить тем, чтобы сподобиться стать единственно церковью и ничем иным более» [12, с. 73]. Похожие идеи излагались крупнейшим русским мыслителем В. С. Соловьевым: «Церковь должна быть независимой от Государства, она должна иметь центр единства вне Государства и над ним, должна быть воистину Вселенской Церковью» [9, с. 220]. Возможно, российские государственные деятели того времени полагали, что церковь может быть государственной, что имеет место быть в протестантизме. Именно на такую модель Церкви ориентировался Петр I, реформируя Россию по образцу тех западноевропейских стран, где доминировал протестантизм. Ответ на такую мысль в русской философии сформулировал Н. А. Бердяев: «Государство относится к церкви совсем так, как научное знание относится к религиозной вере. Государственная церковь, государственное христианство есть такая же ложь и невозможность, как и научная вера, как и религия, основанная на знании» [18, с. 214]. Впрочем, неграмотному народу мнение философов было почти неизвестно, а государственная власть этим мнением не очень интересовалась, тем более если оно не отвечало ее амбициям. Более того, Александр II вовсе не был таким либералом, каким его нередко представляют в современной Российской Федерации. Так, когда врач Н. И. Пирогов выразил свое мнение по поводу того, что государство неудовлетворительно обеспечивало военные госпитали, раненых солдат, он незамедлительно был выслан из столицы (вначале в Киев, а потом в Одессу), а при выходе на пенсию не получил никакого денежного обеспечения от государства. Когда философ В. С. Соловьев выступил против смертной казни, то его уволили из университета и запретили преподавать. Такого рода примеры наглядно свидетельствуют о том, что Александр II попросту не желал слушать те речи, в которых говорилось о тяжелой действительности, царю были нужны победные реляции и отчеты об успехах, даже если таковые были лишь на бумаге.

Отметим, что офицеры царской армии вели воспитательную работу и регулярно о ней отчитывались. Тем не менее действительность была такова, что любое воспитательное

слово, сказанное офицером, который в силу классового шовинизма избивает солдат или наживается на них за счет казнокрадства, имело обратный эффект. Сами высшие чиновники нередко выражали презрение к народу, который не покладая рук работал на их роскошную жизнь. В. С. Пикуль, выражая эту мысль, вложил в уста окружного начальника на Сахалине Зальца слова, соответствующие общим тенденциям того времени: «Если в Корсакове нельзя поставить скамейку на улице, где ее изрежут всякой похабщиной, то такому народу, каков русский, совсем не нужны достижения цивилизации, он нуждается только в плетях и кутузках» [19, с. 227]. В этом умозаключении отражается и низкий культурный уровень населения, так как похабщина объективно не соответствует человеческому достоинству, но вместе с этим и нравственное разложение аристократии, упивавшейся своей властью, искусственно державшей народ в невежестве и бескультурии. Подчеркнем, что речь в данном случае идет о словах чиновника из Сахалина – места каторги, где условия содержания заключенных, включая политических, были гораздо более страшными, чем в тюремных лагерях в СССР 1930-х гг. Один факт того, что многие заключенные на сахалинской каторге были круглосуточно (включая ночное время сна) прикованы цепью к телегам, с которыми трудились, свидетельствует о свирепости царской власти. После уничтожения СССР стало модным писать о жестокостях сотрудников НКВД, однако при этом замалчивается то, что многие из них сами понесли уголовную ответственность за свои злоупотребления, также стало не принято вспоминать, что в дореволюционное время садистские избиения заключенных и подозреваемых являли собой обычную практику в работе жандармерии. На фоне войны с Японией уместно задать вопрос: могли ли сахалинские чиновники в случае высадки японских дивизий на остров вооружить заключенных? Между тем регулярных русских войск в 1904 г. на Сахалине было крайне мало – всего 1200 бойцов. Ссылных привлекали к работам по возведению укреплений, причем от каторжных работ это их не освобождало, что вряд ли добавляло патриотических чувств. Конечно, из каторжан создавали воинские формирования, эффективность которых могла бы быть выше, если бы между ними и лагерным начальством сложились доверительные отношения.

Царский генералитет, чиновники высшего звена, безусловно, на уличных скамейках и заборах пошлости не писали, но души их были испорчены, они допускали глумление над девушками и молодыми женщинами рабоче-крестьянского сословия, издевательства над бедными людьми. А. В. Широкоград отмечает, что большинство царских офицеров не занимались повышением профессионального уровня, а злоупотребляли спиртными напитками, играли в карты [21, с. 220]. Беседы о морали из уст таких офицеров были верхом цинизма и лицемерия. Служивые регулярно сталкивались с тем, что услышанное на проповеди от священника или в беседе от честного, достойного офицера разительным образом расходилось с действительностью повседневной жизни.

Отметим, что к воспитательной работе в армии и на флоте привлекались священнослужители, многие из которых искренне и добросовестно относились к своей миссии. Однако в условиях кризиса религиозного сознания и зависимости церкви от государственной власти их служение не было настолько эффективным, чтобы разрешить накопившиеся проблемы.

Думается, что подобное добросовестное выполнение своего долга священниками и офицерами во многом стало одной из причин будущих революционных настроений солдат, стремившихся воплотить христианские заповеди любви к человеку, честности, доброты. Понятие «добросовестность» здесь употреблено в самом позитивном контексте, так как священникам удалось донести до людей мысль о том, что Бог учит любить ближних, противостоять пороку, злу. Другой вопрос, что люди, получив такую информацию, увидели то, что живут в системе, которая противоречит заповедям Божиим. В обществе, где расхожим было выражение, что «все, что ниже барона, – не люди», христианские идеи были обречены оставаться фиктивными прокламациями, но именно искренняя религиозность привела

к протесту и стремлению разрушить такой безбожный порядок. Неслучайно А. Н. Толстой писал: «В раю, которым вы грезите, во имя которого вы хотите превратить человека в живой механизм... в этом страшном раю грозит новая революция, самая страшная из всех революций – революция Духа» [20, с. 13]. Примечательно, что в тех частях, где священство особенно преуспевало, появлялись солдаты, которые начинали участвовать в мероприятиях, организованных левыми партиями, требовавших социальной справедливости, честности от государственных чиновников, милосердного отношения к народу. Так, Ю. М. Гончаров, описывая успехи священства в деле воспитательной работы с солдатами сибирских частей, отмечает: «Пропаганда и агитация, проводимая социал-демократами в войсках региона, приносила свои плоды. Нередкими стали случаи участия солдат в распространении революционных прокламаций» [21, с. 92]. Среди некоторых солдат популярной стала РСДРП. Как видим, методы для воплощения христианских ценностей были выбраны явно не по благословию церкви, которая, как правило, не поддерживала революционные потрясения.

Особенно сильный удар по моральному облику военнослужащих, в том числе офицеров, нанесла практика использования армии в карательных целях для подавления крестьянских выступлений. Солдат, набранных в основном из крестьян, обязывали убивать голодных, нищих, которые в поисках справедливости обращались к государственной власти, а чиновники этих бесправных тружеников приказывали уничтожать. Превращение солдат в карателей, убийц собственного народа в итоге привело к сильнейшей нравственной деградации армии. Офицерство также понимало вопиющую безнравственность царских чиновников. Так, когда капитан В. Ф. Руднев, прославившийся в чемульпском бою на крейсере «Варяг», в ноябре 1905 г. получил приказ расстреливать протестовавших матросов, то он отказался это сделать, за что был отправлен в отставку.

Таким образом, мы можем констатировать, что условия нравственного кризиса в Российской империи начала XX в. были детерминированы следующими обстоятельствами:

- 1) нищенское и бесправное положение значительной части трудового населения страны;
- 2) отсутствие конструктивного диалога между народом и правящей династией;
- 3) использование солдат регулярной армии для подавления крестьянских и рабочих выступлений;
- 4) падение авторитета государственной власти;
- 5) отсутствие эффективных социальных лифтов и сословность общества;
- 6) зависимость Русской православной церкви от государственной власти.

Вот с таким набором этических и социально-правовых обстоятельств Россия вошла в XX столетие. Формально империя была мощной и внушала уверенность в благополучном будущем; масса отчетной документации, идущей к министрам царя, создавала самое благоприятное впечатление, однако внутренний нравственный надлом уже начинал давать о себе знать и особенно сильно проявился в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Нельзя однозначно утверждать, что общественность в ее полном составе этого надлома не осознавала. Об этом писалось и говорилось, однако в условиях отсутствия диалога между обществом и государственной властью интеллигенция не могла реально повлиять на положение дел в стране. Для того времени очень точно звучали ставшие крылатыми слова писателя Михаила Салтыкова-Щедрина: «Писатель пописывает, а читатель почитывает» (точное выражение этой мысли М. Е. Салтыковым-Щедриним такое: «Русский читатель, очевидно, еще полагает, что он сам по себе, а литература сама по себе. Что литератор пописывает, а он, читатель, почитывает. Только и всего. Попробуйте сказать ему, что между ним и литературной профессией существует известная солидарность, – он взглянет на вас удивленными глазами»). Тем не менее думается, что в высших эшелонах власти осознавали серьезность проблем, фиктивность отчетов, однако надеялись, что система, если рухнет, то когда-нибудь в будущем, не при их жизни. В этом убеждении скрывается безответствен-

ность как симптом регресса нравственного сознания аристократии. По сути, результаты реформ Александра II показали, что система себя изжила и качественные преобразования возможны уже в иной формации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конец крепостничества в России (документы, письма, мемуары, статьи) / сост., общ. ред., вступ. ст. и коммент. В. А. Федорова. М., 1994. 527 с.
2. Большакова О. В., Бабенко О. В. Традиционное крестьянское общество и реформа 1861 г. (Сводный реферат) // Реформа 1861 г. в истории России (к 150-летию отмены крепостного права) : сб. обзоров и рефератов / отв. ред. В. С. Коновалов. М., 2011. С. 251–263.
3. Blum J. *Lord and Peasant in Russia : From the Ninth to the Nineteenth Century*. New York, 1964. 656 p.
4. Moon D. *The abolition of Serfdom in Russia, 1762–1907*. Harlow, England ; New York, 2001. 200 p.
5. Тупикин Р. В. Участие студентов Казанской духовной академии в панихиде по крестьянам с. Бездна // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 82. С. 23–36.
6. Худеков Н. С. Бунт в Кандеевке в 1861 г. // Конец крепостничества в России. Документы, письма, мемуары, статьи. М., 1994. С. 286–303.
7. Могилевский Б. Жизнь Пирогова. Повесть о великом хирурге и педагоге. М., 1953. 303 с.
8. Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Л. ; М., 1928. Т. 11. 406 с.
9. Соловьев В. С. *Россия и Вселенская Церковь*. Минск, 1999. 1586 с.
10. Петухов В. Б. Героизация и оправдание террористов в общественном мнении россиян в конце XIX – начале XX века // Вопросы культурологии. 2013. № 7. С. 49–53.
11. Дуров В. С. *Художественная историография Древнего Рима*. СПб., 1993. 142 с.
12. Достоевский Ф. М. *Собрание сочинений* : в 12 т. М., 1982. Т. 7. Идиот. 319 с.
13. Кеймен Г. *Испания: дорога к империи*. М., 2008. 764 с.
14. Белкин С. И. *Голубая лента Атлантики*. Л., 1990. С. 240.
15. Широкопад А. Б. «Крестовый поход» против России. Тысячелетняя агрессия Запада. М., 2015. 352 с.
16. Панищев А. Л. Проблема соотношения нравственного и правового сознания в воззрениях В. С. Соловьева и И. А. Ильина : моногр. Курск, 2007. 128 с.
17. Островский Б. Степан Осипович Макаров (1848–1904). Л., 1951. 432 с.
18. Бердяев Н. А. *Философия свободы*. М., 2002. 736 с.
19. Пикуль В. С. *Собрание сочинений* : в 13 т. М., 1994. Т. 5. Каторга. 227 с.
20. Толстой А. Н. *Собрание сочинений* : в 10 т. М., 1982. Т. 5. Хождение по мукам. 584 с.
21. Гончаров Ю. М. Нижние чины Российской армии в региональном социуме Сибири второй половины XIX – начала XX в.: мировоззрение, бытовая культура и традиции // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2017. Т. 21. С. 89–95.

REFERENCES

1. *Konets krepostnichestva v Rossii (dokumenty, pis'ma, memuary, stat'i)* [The end of serfdom in Russia (documents, letters, memoirs, articles)]. Moscow, 1994. 527 p.
2. Bol'shakova O.V., Babenko O.V. Traditional peasant society and the reform of 1861 (Summary abstract). In: Konovalov V.S. (Ed.). *Reforma 1861 g. v istorii Rossii (k 150-letiyu otmeny krepostnogo prava): sb. obzorov i referatov* [Reform of 1861 in the history of Russia (to the 150th anniversary of the serfdom abolition): collection of reviews and abstracts]. Moscow, 2011. Pp. 251–263. (In Russ.).
3. Blum J. *Lord and peasant in Russia: from the ninth to the nineteenth century*. New York, 1964. 656 p.
4. Moon D. *The abolition of Serfdom in Russia, 1762–1907*. Harlow, England; New York, 2001. 200 p.
5. Tupikin R.V. Participation of students of Kazan Theological Academy in requiem for farmers in the village of Besdna. *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi = St. Tikhon's University Review. Series II: History. Russian Church History*, 2018, no. 82, pp. 23–36. (In Russ.).

6. Khudekov N.S. The riot in Kandeyevka in 1861. In: *Konets krepostnichestva v Rossii. Dokumenty, pis'ma, memuary, stat'i* [The end of serfdom in Russia. Documents, letters, memoirs, articles]. Moscow, 1994. Pp. 286–303. (In Russ.).
7. Mogilevskii B. *Zhizn' Pirogova. Povest' o velikom khirurge i pedagoge* [The life of Pirogov. The story of the great surgeon and teacher]. Moscow, 1953. 303 p.
8. Rozhkov N.A. *Russkaya istoriya v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii. T. 11.* [Russian history in comparative historical illumination]. Leningrad; Moscow, 1928. 406 p.
9. Solov'ev V.S. *Rossiya i Vselenskaya Tserkov'* [Russia and the Universal Church]. Minsk, 1999. 1,586 p.
10. Petukhov V.B. Glorification and justification of terrorists in public opinion of Russians at the end of 19th – the beginning of the 20th centuries. *Voprosy kul'turologii = Issues of Cultural Studies*, 2013, no. 7, pp. 49–53. (In Russ.).
11. Durov V.S. *Khudozhestvennaya istoriografiya Drevnego Rima* [Artistic historiography of Ancient Rome]. Saint Petersburg, 1993. 142 p.
12. Dostoevskii F.M. *Sobranie sochinenii: v 12 t. T. 7. Idiot* [Collected works: in 12 volumes. Vol. 7. Idiot]. Moscow, 1982. 319 p.
13. Keimen G. *Ispaniya: doroga k imperii* [Spain: the road to empire]. Moscow, 2008. 764 p.
14. Belkin S.I. *Golubaya lenta Atlantiki* [The Blue ribbon of the Atlantic]. Leningrad, 1990. P. 240.
15. Shirokorad A.B. *"Krestovyi pokhod" protiv Rossii. Tysyacheletnyaya agressiya Zapada* ["Crusade" against Russia. The thousand-year aggression of the West]. Moscow, 2015. 352 p.
16. Panishchev A.L. *Problema sootnosheniya npravstvennogo i pravovogo soznaniya v vozzreniyakh V.S. Solov'eva i I.A. Il'ina: monogr.* [The problem of the correlation of moral and legal consciousness in the views of V. S. Solovyov and I.A. Ilyin: monograph]. Kursk, 2007. 128 p.
17. Ostrovskii B. *Stepan Osipovich Makarov (1848–1904)* [Stepan Osipovich Makarov (1848–1904)]. Leningrad, 1951. 432 p.
18. Berdyaev N.A. *Filosofiya svobody* [Philosophy of freedom]. Moscow, 2002. 736 p.
19. Pikul' V.S. *Sobranie sochinenii: v 13 t. T. 5. Katorga* [Collected works: in 13 volumes. Vol. 5. Penal servitude]. Moscow, 1994. 227 p.
20. Tolstoi A.N. *Sobranie sochinenii: v 10 t. T. 5. Khozhdenie po mukam* [Collected works: in 10 volumes, 1982. Vol. 5. The journey through torment]. Moscow, 1982. 584 p.
21. Goncharov Yu.M. The lower ranks of the Russian army in the regional society of Siberia in the second half of the XIX – early XX century: worldview, consumer culture and traditions. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya" = The Bulletin of Irkutsk State University. Series "History"*, 2017, vol. 21, pp. 89–95. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

АЛЕКСЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ ПАНИЩЕВ – кандидат философских наук, доцент, профессор РАЕ, старший научный сотрудник Курского института менеджмента, экономики и бизнеса, Курск, Россия, профессор кафедры философии, религиоведения и теологии Славяно-Греко-Латинской Академии, Москва, Россия, Alexeipl1980@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4327-1225>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ALEKSEI L. PANISHCHEV – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Russian Academy of Natural Sciences, Senior Researcher at the Kursk Institute of Management, Economics and Business, Kursk, Russia, professor at the Department of Philosophy, Religious Studies and Theology of the Slavic Greek Latin Academy, Moscow, Russia, Alexeipl1980@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4327-1225>

Статья поступила 07.11.2023

Научная статья

УДК 1(091):72.01

doi 10.46741/sgjournal.2023.11.4.008

Обращение к архитектуре как способ аргументации в работах античных философов

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ АВДЮНИН

Вологодский государственный университет, Вологда, Россия, vasya.
avdiunin@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе философских художественных текстов, посвященных архитектуре, анализируется связь архитектуры и философии в античную эпоху. Отмечается, что роль архитектуры для философии различна: она может рассматриваться как необходимое условие цивилизации, выступать средством обоснования воззрений того или иного автора, источником исследования форм мышления и логики социально-политического устройства.

Ключевые слова: архитектура; античность.

5.7.1. Онтология и теория познания.

Для цитирования: Авдюнин В. А. Обращение к архитектуре как способ аргументации в работах античных философов // *Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований*. 2023. № 4 (11). С. 62–66. doi 10.46741/sgjournal.2023.11.4.008.

Original article

Ancient Philosophers' Appeal to Architecture as a Way of Argumentation

VASILII A. AVDYUNIN

Vologda State University, Vologda, Russia, vasya.avdiunin@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the connection between architecture and philosophy in the ancient era on the basis of philosophical literary texts devoted to architecture. It is noted that the role of architecture for philosophy is different: it can be considered as a necessary condition for civilization, act as a means of substantiating the views of one or another author, a source of research into forms of thinking and logic of socio-political structure.

Keywords: architecture; antiquity.

5.7.1. Ontology and theory of cognition.

For citation: Avdyunin V.A. Ancient philosophers' appeal to architecture as a way of argumentation. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2023, no. 4 (11), pp. 62–66. doi 10.46741/sgjournal.2023.11.4.008.

Формы и способы аргументации традиционно являются важной проблемой теории познания. Особую роль играет вопрос аргументации философского знания. В отличие от частных наук философия, с одной стороны, лишена эмпирических и математических способов обоснования знания, с другой – более свободна в выборе способов интерпретации фактов. Уже в античной философии формируется многообразие способов аргументации философских идей – от логических умозаключений до мысленных экспериментов. В данной работе мы обращаемся к анализу такого малоизученного приема аргументации в философском познании, как обращение к архитектуре.

Связь архитектуры и философии можно проследить на всех исторических этапах развития человечества. Более того, существует множество работ, посвященных определению связей между философией и архитектурой. В античном мире архитектура, как и прочие прикладные виды искусства, являлась частью той области знаний, которую греки именовали философией. Существует ряд работ, так или иначе включающих в себя положения, исследующие философские основания архитектуры античности, – это может считаться попыткой установления онтологического статуса архитектуры (В. А. Лезьер, Д. А. Извин) [1], эстетику архитектуры (А. Ф. Лосев) [2], последовательность смыслов и семиотического значения (Г. И. Ревзин) [3]. Данная же работа посвящена рассмотрению другой стороны вопроса – обращения философов античности к архитектуре как способу аргументации. Цель состоит в выявлении роли архитектурных примеров в рассуждениях греческих философов и определении влияния развития архитектуры на развитие философских идей.

Исключительное значение архитектуры для человеческих сообществ можно обнаружить уже в архаическом периоде. Так, Эсхил в трагедии «Прикованный Прометей» отводит архитектуре особое место в культурном развитии человечества:

«Словно тени снов
Туманных, смутных, долгую и темную
Влачили жизнь. Из кирпичей не строили
Домов, согретых солнцем. И бревенчатых
Не знали срубов, Вырвавшись в землю, в плесени
Пещер без солнца, муравьи кишашщие –
Ютились» [4, с. 251].

Эсхилловский Прометей сравнивает первобытное человеческое существование с жизнью зверей или животных, исходя из отсутствия у человека построенного жилья. Обращение к архитектурным образам используется здесь как основа для противопоставления способов существования, а также уровней сознания человека. Развитие разума и обретение смысла жизни людьми происходят в тесной взаимосвязи с изменением возможностей осознанного преобразования мира, важнейшей из которых является архитектура, отражающая не только уровень технического развития общества, но и его социальные и ценностные аспекты.

Использование примеров, связанных с архитектурой, для демонстрации социального устройства и уклада жизни активно использует Платон. В диалоге «Критий» он описывает архитектуру Атлантиды, тем самым формируя представления о ценностях и обществе атлантов, богах и героях, иерархической структуре общества, производственных мощностях, системе земледелия и прочих немаловажных аспектах жизни [5]. А. Ф. Лосев в преамбуле к данному диалогу пишет: «Везде тут перед нами правильные круги и четырехугольники. Везде правильные чередования земляных и водных кругов вокруг акрополя главного Города» [2, с. 619]. В этой правильности мы обнаруживаем отражение если не мира идей Платона, то как минимум «правильное мнение» относительно устройства архитектуры, отражающей уклад жизни общества атлантов. Тем более что, вероятно, описание Атлантиды

было придумано Платоном именно для аргументации его представлений о гармоничном обществе.

При рассмотрении онтологических проблем античные философы также обращались к архитектуре. Связующим звеном между рассуждениями об архитектонике космоса и архитектуре были понятия числа и соразмерности. Пифагорейская школа наиболее близко подошла к соединению философско-теоретических рассуждений с практикой ремесла и искусства. Архитектура здесь рассматривается как способ проверки и обоснования теоретических рассуждений о числе и гармонии мира.

В споре между Платоном и «математиками» (астрономами вавилонского происхождения) о двух видах совершенных чисел, описанном Витрувием, мы видим обращение к архитектуре для обоснования системы счисления. Платон считал совершенным число 10, математики же – 6 [6, с. 62], то есть фактически в античном мире было две системы измерения: десятичная (новая) и шестеричная (старая) [7, с. 40]. Шестеричная система счисления удовлетворяла важнейшей строительно-технической задаче обеспечения соизмеримости частей и целого в сооружении. Данные математические споры основаны на классическом античном понимании мира как гармоничного и подчиняющегося отношениям соразмерности и поэтому имеют не только теоретический, но и прикладной характер, связанный со строительством архитектурных сооружений.

Аристотель прибегает к строительным либо архитектурным понятиям для введения и объяснения философских категорий. Так, поясняя категорию причины, Аристотель пишет: «Так же как и во всем прочем, всегда следует искать высшую причину каждого [предмета]; например, человек строит, потому что он строитель, а строитель благодаря искусству строительства – это именно и есть первичная причина; и так же во всех случаях» [8, с. 89]. Аналогия со строительством у Аристотеля применяется и при объяснении других категорий: движения, деятельности, действительности, способности, сущего, осуществления и т. д. Пространство, форма, материя, гармония – ключевые понятия в архитектуре – также обнаруживаются у Аристотеля. Таким образом, в сочинениях Аристотеля мы встречаем как философские категории, вводимые при помощи аналогий со строительством, так и важнейшие для архитектуры философские понятия.

Основанием для возможности использования аналогий с архитектурой в философском познании можно считать, по мнению ряда авторов, некоторое внутреннее сходство работы философа и архитектора. Об этом, в частности, говорит Витрувий, автор одного из первых трактатов, посвященного архитектуре. Описывая личный портрет архитектора, он пишет: «Он должен быть человеком грамотным, умелым рисовальщиком, всесторонне знать историю, внимательно слушать философов, быть знакомым с музыкой, иметь понятие о медицине, знать решения юристов и обладать сведениями в астрономии и в небесных законах» [6, с. 328]. Все эти знания, по Витрувию, несут вполне прикладной характер: астрономия нужна для правильного естественного освещения в доме, арифметика – для составления сметы, история – для обоснования изысканных архитектурных решений перед заказчиком. Философии же он отводит, с одной стороны, особое место, говоря, что «она возвышает дух архитектора и, искореняя в нем самонадеянность, делает его более обходительным, справедливым, честным и отнюдь не скаредным. Это чрезвычайно важно, потому что, в самом деле, никакая работа не может быть выполнена без честности и добросовестности» [6, с. 18]. Помимо этических установок, формируемых философией, речь идет и о прикладном ее характере, поскольку автор ссылается на натурфилософский, физический аспект философского знания. По мнению Г. Ревзина, «с тех пор, как он [Витрувий] рекомендовал заняться этим последним, прошло около двух тысяч лет – надо полагать, архитекторы наслушались достаточно. Философствование стало среди них занятием обыденным и обиходным, и даже необходимость в слушании философов отпала, поскольку те-

перь они могут с успехом слушать друг друга» [3, с. 7]. Иными словами, архитектор – это тоже своего рода философ.

В «Десяти книгах об архитектуре» Витрувия мы видим четкое последовательное мышление о строительстве города от выбора места и возведения стен в сторону центра. Сначала предлагается выбрать «здоровую» местность, тем самым проявить заботу о здоровье населения, условиях для ведения сельского хозяйства и возможностях торговых коммуникаций, а после обезопасить город, возвести фундамент, построить оборонительные сооружения, а уже после переходить к устройению площадей, улиц и переулков. Следующий этап – выбор участков для храмов, форумов и общественных мест [6, с. 24–34]. Мы обнаруживаем в этой последовательности четкую расстановку приоритетов: здоровье граждан – защита от внешних угроз – общественная жизнь. Мы явно усматриваем в этом отсылку к Аристотелю, который в «Политике» дает сходные описания устройства города. Отличие же состоит в том, что у Аристотеля мы дополнительно видим политический аспект рассуждений, например о необходимости разных типов оборонительных сооружений в зависимости от политического строя. Возвращаясь к Витрувию, отметим, что, даже подводя нас к описанию строительных материалов, он ссылается на Фалеса, Гераклита, Демокрита и Эпикура [6, с. 39]. Таким образом, просматривается неразрывная связь философских размышлений и архитектурной практики уже в первом (дошедшем до нас) античном произведении, посвященном архитектуре.

Подводя итог, можно отметить, что основой для обращения к архитектуре как способу философской аргументации в античную эпоху является неразрывная двусторонняя связь между архитектурой и философией. С одной стороны, архитектура дает глубокую почву для философских размышлений: социально-политических, антропологических, эстетических, с другой – философия наполняет архитектуру теоретической и практической целостностью, задавая основополагающие категории. Начиная с Эсхила, предпринимаются попытки аргументации философских положений с помощью архитектуры. Философы анализируют архитектурную практику и посредством этого обосновывают собственные воззрения (в качестве примера можно привести спор между Платоном и математиками). Описывая идеальный город атлантов, Платон приводит именно архитектурные описания острова. Часто мы встречаем архитектурные аналогии, описывающие те или иные философские категории и у Аристотеля. Также немаловажен и обратный процесс, когда философия аргументирует архитектурные решения, что можно найти в «Десяти книгах об архитектуре» Витрувия, первом классическом тексте античности, посвященном строительному искусству.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лезьер В. А., Извин Д. А. Архитектура как вид культурного бытия: философско-категориальный подход // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. Т. 5, № 6А. С. 269–279.
2. Лосев А. Ф. История античной эстетики : в 8 т. Харьков, 2000. Т. 5. Ранний эллинизм. 960 с.
3. Ревзин Г. Очерки по философии архитектурной формы. М., 2002. 138 с.
4. Эсхил. Трагедии. М., 1989. 267 с.
5. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. М., 1994. Т. 3. 654 с.
6. Витрувий. Десять книг об архитектуре. М., 2006. 328 с.
7. Михайлов Б. П. Витрувий и Эллада. М., 1967. 280 с.
8. Аристотель. Сочинения : в 4 т. М., 1981. Т. 3. 613 с.

REFERENCES

1. Lez'er V.A., Izvin D.A. Architecture as type of cultural life: philosophical and discourse approach. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke = Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*, 2016, vol. 5, no. 6A, pp. 269–279.

2. Losev A.F. *Istoriya antichnoi ehstetiki: v 8 t. T. 5. Rannii ehllinizm* [History of ancient aesthetics: in 8 volumes. Volume 5. Early Hellenism]. Kharkov, 2000. 960 p.
3. Revzin G. *Ocherki po filosofii arkhitekturnoi formy* [Essays on the philosophy of architectural form]. Moscow, 2002. 138 p.
4. Aeschylus. *Tragedii* [Tragedies]. Moscow, 1989. 267 p.
5. Plato. *Sobranie sochinenii: v 4 t. T. 3* [Collected works: in 4 volumes. Volume 3]. Moscow, 1994. 654 p.
6. Vitruvius. *Desyat' knig ob arkhitekture* [Ten books on architecture]. Moscow, 2006. 328 p.
7. Mikhailov B.P. *Vitruvii i Ehllada* [Vitruvius and Hellas]. Moscow, 1967. 280 p.
8. Aristotle. *Sochineniya: v 4 t. T. 3* [Works: in 4 volumes]. Moscow, 1981. 613 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ АВДЮНИН – старший преподаватель кафедры философии Института социальных и гуманитарных наук Вологодского государственного университета, Вологда, Россия, vasya.avdiunin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

VASILII A. AVDYUNIN – Senior Lecturer at the Philosophy Department of the Institute of Social Sciences and Humanities of the Vologda State University, Vologda, Russia, vasya.avdiunin@yandex.ru

Статья поступила 31.05.2023

Научная статья

УДК 378.1

doi 10.46741/sgjournal.2023.11.4.009

Профессионально-проектная подготовка выпускника технического вуза

МАРГАРИТА ЮРЬЕВНА РАИТИНА

Томский государственный университет систем управления и радио-
электроники, Томск, Россия, greta@mail2000.ru

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА ГОРСКИХ

Томский государственный университет систем управления и радио-
электроники, Томск, Россия, gormnoj2004@mail.ru

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА ПОКРОВСКАЯ

Томский государственный университет систем управления и радио-
электроники, Томск, Россия, remod@yandex.ru

Аннотация. В статье представлено теоретическое обоснование компетентностной модели подготовки выпускника технического вуза. Проведен сравнительный анализ моделей инженерного образования. Авторы отмечают, что ведущие мировые тенденции свидетельствуют об актуальности и востребованности проектной системы образования для подготовки современных инженерных кадров. Сделан вывод, что новые парадигмы инженерного образования требуют отвечать на большие вызовы и соответствовать постоянно ускоряющимся темпам интеллектуальных изменений (от отдельных наукоемких технологий мирового уровня к технологическим цепочкам нового поколения); применять и развивать современные достижения науки, разрабатывать и применять передовые наукоемкие технологии и технологические цепочки на разных уровнях описания проблемы; применять комплексный подход к удовлетворению социальных потребностей и приоритетов, интегрируя социальные, экономические, экологические, правовые и политические условия с технологиями, разработками и инновациями.

Ключевые слова: инженерное образование; инженерные кадры; наука; социальные потребности; компетенции; образовательные модели; выпускник технического вуза.

5.7.6. Философия науки и техники.

Для цитирования: Раитина М. Ю., Горских О. В., Покровская Е. М. Профессионально-проектная подготовка выпускника технического вуза // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2023. № 4 (11). С. 67–72. doi 10.46741/sgjournal.2023.11.4.009.

Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания «Наука», код научной темы FEWM-2023-0018.

Original article

Professional and Project Training of a Technical University Graduate

MARGARITA YU. RAITINA

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk,
Russia, greta@mail2000.ru

OL'GA V. GORSKIKH

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk,
Russia, gormnoj2004@mail.ru

ELENA M. POKROVSKAYA

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk,
Russia, pemod@yandex.ru

Abstract. The article presents theoretical substantiation of the competence model of training a technical university graduate. A comparative analysis of the models of engineering education is carried out. The authors note that the world's leading trends indicate the relevance of the design education system for the training of modern engineering personnel. It is concluded that new paradigms of engineering education require responding to great challenges and the constantly accelerating pace of intellectual changes (from separate world-class high-tech technologies to new generation technological chains); apply and develop modern scientific achievements, advanced high-tech technologies and technological chains at different levels of the problem description; apply an integrated approach to meeting social needs and priorities, integrating social, economic, environmental, legal and political conditions with technologies, developments and innovations.

Keywords: engineering education; engineering personnel; science; social needs; competencies; educational models; technical university graduate.

5.7.6. Philosophy of science and technology.

For citation: Raitina M.Yu., Gorskikh O.V., Pokrovskaya E.M. Professional and project training of a technical university graduate. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2023, no. 4 (11), pp. 67–72. doi 10.46741/sjjournal.2023.11.4.009.

The work is conducted within the framework of the basic part of the state task "Science", the code of the scientific topic FEWM-2023-0018.

В Концепции технологического развития на период до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 № 1315-р, определяются приоритетные задачи по ускорению процесса создания качественно новых инженерных технологий, что кардинальным образом трансформирует образовательные, социокультурные модели подготовки специалистов. Одной из таких инновационных моделей является передовая инженерная школа, представляющая собой инфраструктурную площадку для подготовки высококлассных технологичных специалистов, способных проектно мыслить и работать в формате комплексных сетевых взаимодействий. Инженерная школа – это еще и социокультурная среда, где закладываются и аккумулируются фундаментальные технологические, гуманитарные знания, формируются ценностные ориентиры и когнитивно-куль-

турное поле личности. Так создается образ будущего (*imago futuri*) «тусуровского» выпускника.

В данной статье на примере передовой инженерной школы (далее – ПИШ) комплексно рассматриваются новые подходы к инженерному образованию. Так, Томским государственным университетом систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР) разработана компетентностная модель подготовки выпускника ПИШ, направленная на выявление ключевых профессиональных компетенций, максимально востребованных промышленными партнерами.

В основе построения модели лежит методика по выявлению ключевых профессиональных компетенций, включающая в себя следующие этапы: теоретическое обоснование, составление каталога вопросов, сбор данных и подготовка методического инструментария для проведения опроса стейкхолдеров (заинтересованных сторон), алгоритмы и протокол визуального, логического и арифметического контроля данных, оценка точности результатов обследования, анализ результатов опроса и формирование проекта методического отчета, содержащего результаты исследования.

С целью создания эффективной компетентностной модели подготовки выпускника ПИШ ТУСУР рассмотрим наиболее успешные концепции инженерного образования мирового уровня.

Так, в конце 1960-х – начале 1970-х гг. была создана проблемно и практико-ориентированная модель обучения PBL (*problem-based learning*), которая применяется в различных культурных условиях, на разных уровнях системы образования – от школ до университетов и непрерывного образования. Проекты PBL – платформа для достижения студентами компетенций, соотнесения дисциплин друг с другом, анализа и выявления проблем, построения процесса их решения. Фундаментальный принцип PBL заключается в совместной работе, способности к коммуникации в условиях разработки и управления проектами, а фасилитатор направляет студентов, представляя идеи, методы и инструменты. Принципы PBL формируют широкую философию преподавания и обучения, фокусирующуюся исключительно на самом процессе обучения, мотивации к самостоятельному получению знаний [1].

Другим комплексным интегративным подходом к организации образовательного процесса и подготовки нового поколения инженерных кадров стал CDIO (*Conceive – Design – Implement – Operate*, что означает Придумывай – Разрабатывай – Внедряй – Управляй), впервые разработанный в Массачусетском технологическом институте (США) в конце 1990-х гг. как реакция на вытеснение инженерной практики наукой в качестве доминирующей культуры. Данная методология применима и в других предметных областях и профессиях. CDIO включает 12 стандартов для описания модульных программ, в которых раскрываются философия программ, реализация проектной деятельности, учебные планы, методы преподавания и обучения, повышение квалификации преподавателей и оценка результатов обучения в программе [2; 3]. Стандарты CDIO ставят перед собой цели овладения студентами более глубокими практическими знаниями технических основ; управления созданием и эксплуатацией новых продуктов, процессов и систем; осознания стратегического влияния исследований и технологического развития на общество. Обучение по CDIO предполагает сочетание дисциплинарного и проблемно-проектного принципа обучения.

Учебный план CDIO предлагает для определения целей инженерной образовательной программы учитывать потребности заинтересованных сторон (руководителей программ, выпускников и промышленных партнеров) [4]. Программы формируются по модульному принципу, каждый модуль включает несколько вариантов опыта проектирования и внедрения разных уровней сложности. Студенты погружаются в конкретную инженерную практику.

Дисциплинарные курсы предполагают активные методы обучения и методы оценки, способствующие концептуальному пониманию предметного содержания. Важным эта-

пом в разработке курсов интегрированного учебного процесса CDIO является сочетание академических дисциплинарных знаний и профессиональных инженерных навыков, что в свою очередь требует комплексной оценки знаний. Наряду с этим система CDIO подвергается критике по причине сложности оценивания знаний у студентов в силу слабой корреляции между дисциплинами учебных программ, целями самих программ, профессиональной практикой и, как следствие, мотивацией студентов.

Программы CDIO содержат различные проблемные и проектные учебные мероприятия, где определяющим элементом является опыт проектирования и сборки, когда студенты разрабатывают и внедряют продукты, процессы или системы. Проекты разрабатываются в различных областях инженерии, темы и задачи приближены к реальной профессиональной практике.

Выводы:

1. Сравнение концепций PBL и CDIO показало их некоторую общность: оба подхода к реформированию инженерного образования разделяют основополагающие ценности и цели – акцент на развитие профессиональных навыков посредством процессов обучения на основе реальной инженерной практики.

2. Концепции PBL и CDIO включают педагогику проблемного, проектного и конструкторского обучения, а также опыт управления организационными изменениями.

3. PBL и CDIO не являются взаимоисключающими, а дополняют друг друга. В инновационных образовательных программах по инженерным наукам возможны их продуктивное комбинирование и интеграция.

4. PBL и CDIO дополняют традиционную модель академического образования, делая упор на развитие навыков учащихся, их личностное развитие, процесс профессионального становления.

5. В качестве отличительных особенностей можно выделить следующее:

– концепция PBL развивалась в разных дисциплинах и выступила фундаментом для формирования концепции CDIO, в то время как CDIO была разработана в рамках инженерии;

– логика средств/целей данных концепций различается: CDIO ориентирует процесс обучения на профессиональную практику; PBL в большей степени учитывает интересы студентов, что соответствовало духу 1960-х – 1970-х гг., когда был разработан соответствующий подход.

Как следствие, ведущие мировые тенденции показывают, что проектная система образования является актуальным трендом для подготовки современных инженерных кадров. Цели и задачи системы российского образования определяют стратегическую цель ТУСУРа, состоящую в формировании лидирующего в стране центра превосходства для радиоэлектронной и ракетно-космической отрасли. Новые парадигмы инженерного образования в том числе ориентированы на адаптацию к турбулентным изменениям мира, ответам на новые вызовы, соответствие темпам интеллектуальных изменений.

Анализ текущей ситуации по подготовке кадров в инженерной сфере свидетельствует о необходимости разработки гибридной модели, представляющей собой комбинацию вышепредставленных моделей. Гибридная модель продуктивно интегрирует гуманитарное и техническое знание, реализуется в контексте компетентностного подхода.

Интегративная связь инженерной подготовки, реализуемой в ПИШ ТУСУР, с образованием, наукой, производством, бизнесом и властью играет ключевую роль в современном обществе, обеспечивая взаимодействие и сотрудничество между данными секторами. Сущность ее раскрывается в следующем:

1. Образование позволяет согласовать учебные программы и методики обучения с требованиями рынка труда и промышленными потребностями, включая программы стажировок и сотрудничество университетов с предприятиями для обеспечения практического опыта студентов.

2. Наука способствует развитию новых технологий, методов и инноваций.

3. Производство дает возможность инженерам и производственным компаниям работать сообща над разработкой и внедрением новых продуктов и технологий, повышая производительность и конкурентоспособность предприятий.

4. Бизнес помогает инженерам понимать потребности рынка, разрабатывать коммерчески успешные продукты и участвовать в инвестиционных проектах.

5. Власть оказывает влияние на образовательные программы, научные исследования и регулирование отраслей, где действуют инженеры, обеспечивает соответствие инженерной деятельности законодательству и нормативам, поддерживает инновации через государственные программы и финансирование.

Таким образом, интегративная связь инженерной подготовки с образованием, наукой, производством, бизнесом и властью способствует экономическому развитию, более эффективному функционированию общества, стимулирует инновации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Beddoes K. D., Jesiek B. K., Borrego M. Identifying Opportunities for Collaborations in International Engineering Education Research on Problem- and Project-Based Learning // *Interdisciplinary Journal of Problem-based Learning*. 2014. No 2. Pp. 7–34.
2. Чучалин А. И. О применении подхода CDIO для проектирования уровневых программ инженерного образования // *Высшее образование в России*. 2016. № 4. С. 17–32.
3. Чучалин А. И., Данейкина Н. В. Адаптация подхода CDIO к магистратуре и аспирантуре // *Высшее образование в России*. 2017. № 4. С. 17–25.
4. Engaging Stakeholders in Defining Education for Innovation in Russia: Consensus and Tensions / K. Edström, I. Froumin, E. Crawley, T. Stanko // *Proceedings of the EAIR 35th Annual Forum (Rotterdam, the Netherlands, 28–31 August 2013)*. Rotterdam, 2013. URL: https://www.academia.edu/7023305/Engaging_stakeholders_in_defining_education_for_innovation_in_Russia_consensus_and_tensions (дата обращения: 21.11.2023).

REFERENCES

1. Beddoes K.D., Jesiek B.K., Borrego M. Identifying opportunities for collaborations in international engineering education research on problem- and project-based learning. *Interdisciplinary Journal of Problem-Based Learning*, 2014, no 2, pp. 7–34.
2. Chuchalin A.I. Application of the CDIO approach to three level engineering programs design. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 2016, no. 4, pp. 17–32. (In Russ.).
3. Chuchalin A.I., Daneikina N.V. Application of CDIO approach to MSC and PhD engineering programs. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, 2017, no. 4, pp. 17–25. (In Russ.).
4. Edström K., Froumin I., Crawley E., Stanko T. Engaging Stakeholders in Defining Education for Innovation in Russia: Consensus and Tensions. In: *Proceedings of the EAIR 35th Annual Forum (Rotterdam, the Netherlands, 28–31 August 2013)*. Rotterdam, 2013. Available at: https://www.academia.edu/7023305/Engaging_stakeholders_in_defining_education_for_innovation_in_Russia_consensus_and_tensions (accessed November 21, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

МАРГАРИТА ЮРЬЕВНА РАИТИНА – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии, ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра гуманитарного факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия, greta@mail2000.ru

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА ГОРСКИХ – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия, gormnoj2004@mail.ru

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА ПОКРОВСКАЯ – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, старший научный сотрудник научно-образовательного центра гуманитарного факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия, pemod@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

MARGARITA Yu. RAITINA – Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, professor at the Department of Philosophy and Sociology, Leading Researcher at the Research and Educational Center of the Faculty of Humanities of the Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russia, greta@mail2000.ru

OL'GA V. GORSKIKH – Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, associate professor at the Department of Philosophy and Sociology of the Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russia, gormnoj2004@mail.ru

ELENA M. POKROVSKAYA – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Senior Researcher at the Research and Educational Center of the Faculty of Humanities of the Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russia, pemod@yandex.ru

Статья поступила 24.11.2023

Научная статья

УДК 101

doi 10.46741/sgjournal.2023.11.4.010

История и биополитика ужаса (рецензия на учебно-методическое пособие Маленко С. А., Некита А. Г. «От «Великого» к «Онемевшему»: визуализация идеологии страха в американском кинематографе»)

ОЛЕГ КОНСТАНТИНОВИЧ ШЕВЧЕНКО

Институт педагогики, психологии и инклюзивного образования Гуманитарной педагогической академии (филиала) Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Ялта, Россия, skilur80@mail.ru

Аннотация. В статье дана рецензия на новое учебно-методическое пособие авторов из Великого Новгорода. Доказывается, что заявленная авторским коллективом тематика крайне важна и актуальна для гуманитарного и социально-политического образования современной России. Также подчеркивается важность философии ужаса и страха для ряда направлений исторической науки. Анализируются элементы учебного пособия и отмечается его структурная оригинальность. Даны рекомендации по совершенствованию данного труда и дальнейшей его трансформации в фундаментальный учебник.

Ключевые слова: философия страха; философия ужаса; история кинематографа; история Голливуда; биополитика.

5.7.7. Социальная и политическая философия.

Для цитирования: Шевченко О. К. История и биополитика ужаса (рецензия на учебно-методическое пособие Маленко С. А., Некита А. Г. «От «Великого» к «Онемевшему»: визуализация идеологии страха в американском кинематографе») // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2023. № 4 (11). С. 73–77. doi 10.46741/sgjournal.2023.11.4.010.

Original article

History and Biopolitics of Horror (Review of the Study Guide of Malenko S.A., Nekita A.G. “From the “Great” to the “Numb”: Visualization of the Ideology of Fear in American Cinema”)

OLEG K. SHEVCHENKO

Institute of Pedagogics, Psychology and Inclusive Education of the Humanities and Education Science Academy (branch) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta, Yalta, Russia, skilur80@mail.ru

Abstract. The article provides a review of the new educational and methodological work of the authors from Veliky Novgorod. It is proved that the subject matter declared by the author's team is extremely important and relevant for humanitarian and socio-political education of modern Russia. The importance of the philosophy of horror and fear for a number of areas of historical science is also emphasized. Elements of the textbook are analyzed and its structural originality is noted. Recommendations are given for the improvement of this work and its further transformation into a fundamental textbook.

Keywords: philosophy of fear; philosophy of horror; history of the cinematograph; history of Hollywood; biopolitics.

5.7.7. Social and political philosophy.

For citation: Shevchenko O.K. History and biopolitics of horror (review of the study guide of Malenko S.A., Nekita A.G. "From the "Great" to the "Numb": visualization of the ideology of fear in American cinema"). *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2023, no. 4 (11), pp. 73–77. doi 10.46741/sjjournal.2023.11.4.010.

В настоящее время в философии, культурологии, политологии и отчасти психологии настойчиво поднимается комплекс междисциплинарных проблем, связанных с биополитикой и биовластью [1]. Часто эти темы также затрагивают историки, особенно в разделах, касающихся повседневности и сакрализации власти в Средние века. Время от времени появляются попытки систематизировать идеи визуализации, например в формате философии и клинического мышления [2] или как элемент мягкой силы [3]. Нередко в рамках этого направления создаются учебные курсы, а также публикуется учебно-методическая литература. Однако «часто и густо» как на книжный рынок, так и на рынок образовательных ресурсов выбрасывается излишне затеоретизированный, далекий от реалий повседневности академический продукт или же анонсируются учебные дисциплины общего характера: «Биовласть», «История биополитики» и т. п. В отличие от первой и второй тенденции рецензируемое нами учебное пособие как успешно ушло от искушения «засушить» проблему академическими формулами, так и преодолело тягу к созданию учебного пособия по принципу «обо всем и ни о чем».

Предметной областью учебного пособия (и учебной дисциплины, которую оно призвано обеспечить) являются фильмы, принадлежащие к одной из самых фундаментальных, старейших, кассовых и популярных традиций американской киноиндустрии – голливудским фильмам ужасов. Этот тот резервуар достаточно специализированной научно-практической предметики, который позволяет однозначно и прочно привязать широкую биополитическую тематику к «земным» проблемам и остаться в плоскости актуального вызова, перед которым оказалось наше общество в настоящее время. Ведь, как подчеркивают авторы, «рупор американских фильмов ужасов... исподволь осуществляет образно-символический ребрендинг классических и новейших трендов социал-дарвинизма и превращается в биотехнологический, медийный ресурс власти» [4, с. 5].

При этом авторы пособия не склонны к демонстративной манифестации своих идей или вненаучной идеологической обработке читателя при помощи лозунгов, псевдонаучных «мантр» о «загнивающем» капитализме и прочего арсенала идеолога-публициста. Отнюдь. Они предлагают проработать и проанализировать методику создания фильмов ужасов и их технологии влияния на зрителя, в основе которых лежат разнообразные биотактики «от строжайших математических расчетов до скрытого использования классических и пост-классических психоаналитических методик, а также суггестивных практик» [4, с. 7], то есть весь тот набор, благодаря которому «американские фильмы ужасов превратились в про-

мышленную технологию идеологической обработки и вирусного заражения индивидов и поколений, культурных традиций и религиозных обрядов, стран и континентов» [4, с. 7].

Учебно-методическое пособие состоит из предисловия, введения (двух разделов, объединяющих 25 тем), а также перечня примерных тем рефератов, тем для творческих работ, методических рекомендаций по написанию творческих работ, списка наиболее популярных американских триллеров и фильмов ужасов, библиографии, включающей развернутые списки литературы на русском и иностранных языках.

Учитывая достаточно небольшой объем пособия, авторам удалось выстроить разумную и сбалансированную структуру, позволяющую в ограниченной форме представить богатое содержание.

Блок «Темы и содержания теоретических занятий» [4, с. 11–36] кратко, тезисно, но при этом достаточно емко и глубоко раскрывает каждую из заявленных тем от «Архетипа в образах экзистенции» [4, с. 11] до «Геополитической, потребительской хоррор-идеологии в голливудских образах “Pax Americana”» [4, с. 37–40]. Учебный курс построен по принципу плавного перехода от теории к практике, от анализа архетипа, образа, символа, мифа, знака, производства и потребления к страху, ужасу, «жертве», «палачу», «безумному ученому». Таким образом, обучающиеся уже на первых занятиях получают солидный инструментально-теоретический набор, который в последующем могут применить на практике при анализе конкретных фильмов ужасов, тактик власти, механизмов проникновения вирусных символов в чужую культуру, религию, а главное в повседневность. Этой же цели служит и качественно продуманный список тем рефератов и творческих работ. Причем, если рефераты [4, с. 41–43] ориентируют студентов в основном на историко-философскую составляющую курса, то уже список тем для творческих работ [3, с. 44–46] предлагает проанализировать конкретные фильмы ужасов и практические механизмы идеологического манипулирования, которые в них скрыты. Правда, несколько в стороне находится вопрос о связях фильмов ужасов с «религиозной Америкой» и «секулярной Европой». Вероятно, это размыло бы концепцию пособия, но, с другой стороны, позволило бы придать ему характерную и важную черту проработки малоучитываемых, но крайне серьезных тенденций современного Запада [5].

Замечательным дополнением, оживляющим это интересное и оригинальное учебно-методическое пособие, выступает список наиболее популярных американских триллеров и фильмов ужасов [4, с. 48–67], включающий 379 названий. Причем каждая позиция содержит русское название, оригинальное – англоязычное, фамилию режиссера, названия киностудий, причастных к созданию конкретного фильма, продолжительность киноленты, страны, участвовавшие в съемках. Этот авторский прием позволяет студенту получить рабочий список фильмов ужасов, определиться со своими исследовательскими предпочтениями и даже провести экспресс-анализ наиболее ярко выраженных трендов, которые скрываются в корреляции названий фильмов и дат их выпуска.

Библиографический список пособия на русском языке [3, с. 68–131] насчитывает 856 наименований, на иностранном [4, с. 120–131] – 199. Такая библиография не только предоставляет возможности для качественного и продуктивного написания рефератов, курсовых работ, выпускных квалификационных и магистерских работ, но и выступает мощным фундаментом для тематически ориентированных уникальных аспирантских исследований, способных стать базой для написания кандидатских и даже докторских диссертаций, дефицит которых в отечественном научном пространстве является просто вопиющим.

Отдельной высокой оценки заслуживает авторская визуальная разработка обложки учебного пособия: с одной стороны, она не оставляет сомнений в содержании и идеологической направленности пособия, а с другой – интригует молодого читателя знакомыми образами, создающими предпосылки для эмоционально-комфортного освоения скрытого в учебно-методическом пособии дидактического и фактологического материала.

Однако при всех своих достоинствах рецензируемое учебно-методическое пособие имеет ряд недостатков.

Во-первых, изданию с учетом его направленности крайне не хватает цветных иллюстраций, касающихся хотя бы ключевых моментов художественно-аналитической части [4, с. 17–36].

Во-вторых, было бы совершенно не лишним включить помимо списка фильмов ужасов 15–20 аннотаций фильмов или же значимых голливудских франшиз, которые, по мысли авторов, являются классическими для поднимаемой ими темы.

В-третьих, было бы полезно расширить пособие публикацией 5–6 наиболее развернутых и глубоких по содержанию рецензий на те фильмы ужасов, которые признаны профессионалами кинематографического цеха. Мы выражаем уверенность, что в новых изданиях этого пособия авторы учтут эти рекомендации.

В-четвертых, стоило более пристальное внимание уделить фактору антиутопии в идеологии голливудских фильмов ужасов [6].

Однако, несмотря на заявленные нами предложения по улучшению рецензируемого учебного пособия, оно не должно остаться незамеченным на отечественном книжном рынке, а учебный курс, находящийся в его основе, – должен получить признание академического сообщества.

Рецензируемое учебное пособие можно и нужно рекомендовать для использования в рамках преподавания целого ряда философских, исторических и культурологических дисциплин: «История повседневности», «История кинематографа», «Социальная философия», «Философия власти», «Философия политики», «Биополитика и биовласть», «Биоэтика», «Этика», «Эстетика», «Мифология», «Философия виртуальной реальности», и это не говоря уже о целой линейке классических дисциплин и специальных курсов по таким направлениям, как «Новейшая история», «Культурология», «Психология», «Психиатрия» и «Социология».

Наконец, завершая разбор рецензируемого учебно-методического пособия, хотелось бы выразить солидарность с его авторами и согласиться с тем, что в современной массовой культуре ужас выступает одной из существеннейших, буквально онтологических граней бытия, а его междисциплинарное изучение является делом актуальным, достойным и важным. А в качестве подтверждения таковой мысли мы приведем цитату из дневника известного актера и малоизвестного писателя Олега Ивановича Даля: «Ужас. Вот, на мой взгляд, движитель всей жизни этого города. Ему подчинено все и вся. Рождение, существование, любовь, ненависть и смерть. Он проникает в жизнь людей незаметно для них и перерождает их» [7].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маленко С. А. Власть чарующая: впечатление как политическая технология // Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований. 2023. № 3 (4). С. 9–19.
2. Макулин А. В., Рубенко А. С. Философия, логика и визуализация клинического мышления // Общество: философия, история, культура. 2021. № 2 (82). С. 13–20.
3. Смирнов В. А. Индустрия впечатлений как пространство аппликации «мягкой силы» // Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований. 2022. № 1 (1). С. 117–136.
4. Маленко С. А., Некита А. Г. От "Великого" к "Онемевшему": визуализация идеологии страха в американском кинематографе : учеб.-метод. пособие. Великий Новгород, 2021. 133 с.
5. Подлесная М. А., Харчевкина Н. Н. Современная религиозная ситуация в США и Европе // Приход Русской Православной Церкви в России и за рубежом: материалы к изучению приходской жизни. М., 2016. С. 240–254.
6. Сюсюмов И. А. Голливудские молодежные антиутопии: социокультурные проекции страха современников по поводу будущих миров // Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований. 2023. № 1 (2). С. 217–254.
7. Даль О. И. Дневники. Письма. Воспоминания. URL: <https://sv-scena.ru/Buki/Olyeg-Daljj-Dnyevniki-Pisjma-Vospominaniya.103.html> (дата обращения: 19.10.2023).

REFERENCES

1. Malenko S.A. Power enchanting: experience as a political technology. *Industrii vpechatlenii. Tekhnologii sotsiokul'turnykh issledovaniy = Experience Industries. Socio-Cultural Research Technologies*, 2023, no. 3 (4), pp. 9–19. (In Russ.).
2. Makulin A.V., Rubenko A.S. Philosophy, logic and visualization of clinical thinking. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: Philosophy, History, Culture*, 2021, no. 2 (82), pp. 13–20. (In Russ.).
3. Smirnov V.A. The experience industries as a space for the application of “soft power”. *Industrii vpechatlenii. Tekhnologii sotsiokul'turnykh issledovaniy = Experience Industries. Socio-Cultural Research Technologies*, 2022, no. 1 (1), pp. 117–136.
4. Malenko S.A., Nekita A.G. *Ot “Velikogo” k “Onemevshemu”*: vizu-alizatsiya ideologii strakha v amerikanskom kinematografe: ucheb.-metod. posobie [Malenko S.A., Nekita A.G. “From the “Great” to the “Numb”: Visualization of the Ideology of Fear in American Cinema”: Study Guide]. Veliky Novgorod, 2021. 133 p.
5. Podlesnaya M.A., Kharchevkina N.N. Modern religious situation in the USA and Europe. In: *Prihod Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v Rossii i za rubezhom: materialy k izucheniyu prihodskoi zhizni* [The parish of the Russian Orthodox Church in Russia and abroad: materials for the study of parish life]. Moscow, 2016. Pp. 240–254. (In Russ.).
6. Syuzumov I.A. Hollywood youth dystopias: sociocultural projections of contemporaries' fears about future worlds. *Industrii vpechatlenii. Tekhnologii sotsiokul'turnykh issledovaniy = Experience Industries. Socio-Cultural Research Technologies*, 2023, no. 1 (2), pp. 217–254.
7. Dal' O.I. *Dnevnik. Pis'ma. Vospominaniya* [Diaries. Letters. Memories]. Available at: <https://sv-scena.ru/Buki/Olyeg-Daljj-Dnyevniki-Pisjma-Vospominaniya.103.html> (accessed October 19, 2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ОЛЕГ КОНСТАНТИНОВИЧ ШЕВЧЕНКО – доктор философских наук, доцент кафедры истории и философии Института педагогики, психологии и инклюзивного образования Гуманитарной педагогической академии (филиала) Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Ялта, Россия, skilur80@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

OLEG K. SHEVCHENKO – Doctor of Sciences (Philosophy), associate professor at the Department of History and Philosophy of the Institute of Pedagogics, Psychology and Inclusive Education of the Humanities and Education Science Academy (branch) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta, Yalta, Russia, skilur80@mail.ru

Статья поступила 07.11.2023